кирилл киннари

вечные мы

кирилл киннари

вечные мы

2014

Автор: *kirikrueker@gmail.com*

Сайт книги: https://archive.org/details/UsEternalInRussian

...Мы ведь не боги, чтобы бесконечно любить «всё» и не скисать от него, не беситься, не опускать рук. Мы ищем локальный оптимум сиюминутной радости и вечного счастья.

Отсюда наше самодельное, налегке, будущее. Ручей, очаг и ложе.

1 НЕ УБИРАЙ СРАЗУ

— Андрей Николаевич?...

Глубокий вдох.

Стук отодвигаемого кресла. Кашель.

— ...Катя. Здравствуй, Катенька... Как ты...

Быстрые босые шаги.

— Добрый... вечер... Андрей Николаевич...

Шорох.

Дыхание.

— Катя, ты... спать? Пойдём, замёрзнешь...

Шорох. Частое дыхание.

— Подождите, Андрей Николаевич... Подождите, пожалуйста, я... Я сказать хотела...

— ...Да, Катенька...

Шум ветра за окном.

Первые капли дождя.

— ...Я... я вам что хотела сказать-то... про Машу же.

— ...Машу?... А она...

— Да, да, и... знаете что, Андрей Николаевич... ну погодите же, это важно... что я расскажу...

Смех.

Вдох. Быстрый шёпот.

— Ты что, что ты, Катенька... Ей же...

Утвердительное мычание.

— ...Как-то... да и откуда, ты...

— Да, да, да... Она нам... с Элли. И мы долго сегодня с ней, она... вот правда! И, знаете, она очень, очень...

Шёпот.

— Это... вам с Элей?

— Ага... да...

— ...Подожди, подожди... Катенька, ты меня прямо... Когда? Куда?

— Сегодня. Сейчас... Она...

— А... ты-то?

— И я, да, и Элли... Она ведь и хочет, чтобы...

Дрожащий вздох.

Ветер. Дождь в стёкла.

— Какая сегодня... ночь...

— Ну правда... Андрей Николаевич...

— ...Она... всё знает?

— Ну... да... конечно...

— А вас-то? Вы... Ведь я же... нельзя только...

— Да, ну конечно, да... Все вместе, она именно... и давно, ещё до... понимаете? И... не решалась, потому что... Но ведь можно, правда? Пожалуйста? Мы уже всё придумали, и...

— ...Всё?

Фырк.

— А Элли...

— ...Нет, нет, что вы, она очень... они ведь, знаете, с Машей... подружились...

— ...Ох, Катя...

Дыхание.

Шорох одежды.

Вдох.

— Андрей Николаевич... Пожалуйста... Ведь Маша вам...

— Да откуда ты...

— ...Нет, знаю, знаю...

Выдох.

— ...Да. Да. Конечно... Катенька, Элли... и Маша... Но подожди, это ведь... так сразу? Постой, ты...

— Андрей Николаевич, я мигом! Они там... ладно? Да? Я сейчас...

— Да постой же, а...

— Сейчас...

Порыв ветра.

Шумы. Скрипы.

Шлёпанье босых ног.

Фырканье.
Шорох одежды. Возбуждённый шёпот.
Шаги. Движение.
— Маша, Маша...
Тишина. Дыхание.
— ...Это... правда?
Выдох.
Тишина.
Фырканье.
Смех, голоса вразнобой.
— Это правда! Это так!...
— Ага-а...
Протестующее мычание.
— Девочки, девочки, вы... мы, мы, мы — не с ума ли мы все посходили... как я не знаю, сегодня...
Смех.
— О-о-о...
— С ума, с ума-а...
— Ну правда, Кать, подожди... это ведь очень, очень всё серьёзно. Это... да? значит, что мы...
Смех.
— Теперь уж вам, Андрей Николаевич...
Смех.
— Да погодите же смеяться, ну!... Всё-таки... Маша?...
Тишина.
— ...Да. (глухо) Да-а...
Дрожащий вдох.
Тишина. Шорох.
— Ладно... сдаюсь, делайте... что хотите...
— Что хоти-им, нет уж... Андрей Николаевич...
Дыхание.
— ...О, я знаю, я знаю! Андрей Николаевич прав, нельзя... так просто... Ну-ка, вспомнили? Ритуал! ...Элли, Маша, давайте... сюда... Крепко, крепче...
Шорох.
Скрип.
Стиснутое дыхание.
— Ой-и...
— Эль, погоди... Теперь так, смотрите: ...тссс... (шёпот) И все, как я, ну-ка... во-от так... сильней...
— М-м-м...
— ...Какие все...

— Да? Вблизи...
Мычание.
— ...Четы-ыре...
Хихиканье.
— (шёпот) И теперь... я убираю палец!...
Общий вдох.
Мычание. Сосущие звуки.
Голоса изменяются.
— Ох...
— А-а...
— ...Ох... Девочки, вы... Дайте... присесть, что ли...
Заглушённое фырканье.
— А я лучше придумала... Чем сесть...
Мычание.
Шум падения на мягкое.
Освобождённый выдох.
Возня.
— Элли... скажи хоть ты что-нибудь...

— Можно, Кать, можно... нужно...
Шуршание. Торопливые вздохи.
— Теперь всё можно... Помогайте, девочки... Вот какая... наша Маша...
Тихий смех.
— (шёпот) Элька... Эль... Иди сюда, где ты там...
Жалобное мычание.
— ...Ой...
— Во-от... да?...
Дыхание.
— Машенька, Маша моя... Да?... Вот так...
— А...
— Они тут, да... Не бойся, не... расслабься, я всё сделаю...
Стонущий вдох.
— ...Девочки, вы... Кать?... Катя...
Шорох.
— Н-н-н... Надо, надо Машеньку нашу... раздеть. Такая же... девочка сумасшедшая... Нет, нет, это... это мы оставим пока...
Учащающееся дыхание.
— А давайте...
— ...О-ох... Подожди, ещё не... Во-от... Вот так.
Кряхтение.

— О-о-х-х...

Счастливый смех.

— For the dimples... and the curls!...

Ритмичные выдохи.

Глухие удары.

— Ох как же... Ох... Катя, Эля, милые, хорошие, спасибо вам, не уходите, пожалуйста.... будемте ебаться, да, да, все будем, обязательно... но сначала же Машенька, Маша милая моя д-де...

Стон. Выдох.

— Эля... Элли... Здравствуй...

Слабый кашель.

— Вот так вот... мы тут... представляешь?... Скажи что-нибудь...

— ...Д-да... Ой...

— ...Нет, правда?

— (шёпот) ...Красиво?...

— Да! Просто же невероятно... вы, все... Красота, которую... заслуживаешь... и делаешь... и отдаёшь даром... а не даром получил и продаёшь. Да?

— ...Н-не знаю...

— ...Но я тебя зову...

Вздох.

— Элли, Элли... Знаешь, вот... мы все вместе наконец... *так* вместе, да?... И я знаешь что хочу сделать?

— ...Что?

— ...Предложение...

Неуверенный смех.

— Смотри, я спутал все страницы...

Вздох.

— ...Эльк, и я же... Ты да, да?... да?

Вздохи глубже.

— (сонно, задыхаясь) И меня-а...

Шум тел.

— Тс-с... потом, потом...

Вздохи сильнее.

Медленный ритм.

Стон.

Резкий выдох.

— (глухо) Обнимите... плечи... пожалуйста...

Всхлип.

Ритм сбивается.

Стон.

Стон.

Крик.

— Ох как ты рвёшься… Ох какая ты сильная… Молодец девочка…

Судорожное дыхание.

— …Сейчас, Машенька, сейчас… Кать, давай-ка мы…

Долгий спокойный ритм. Вздохи.

— Элька-а… а иди сюда…

— А…

— Столпимся давай… во-от… И знаешь, им хорошо, когда мы тут… хихикаем…

Ритм.

— …Да?…

— М-м…

— Как… сердце бьётся. Тоже… неритмично…

— (шёпот) Блестит…

Глубокий вдох.

— Самое прекрасное на земле… Ой, Эль, осторожно… И не… вот, да. Лодочкой, ванночкой… Или можно вот так вот… (шёпот) Ресницами…

Тихий смех.

— А тут сильнее, тут очень всё, только… И знаешь, симметрично всегда…

— …Симметрично?

Ритм.

— …Да… да… душа… она посередине…

— Как бы если сбоку — это… музыка в один наушник. А надо… именно, в душу, вот…

Горловой звук.

Рычание.

— Во-от… Вот так… И сразу к ним, да? Ныряй…

— …Как?…

— Ну вот же… да смелей…

Стон.

Ритм.

— (шёпот) И вот так ещё можно, если… (неразборчиво) самый типитип…

Ритм меняется.

— …Ох же ж… Кать, отползи чуть, мы… Ложись Маша на бочок… придёт серенький…

Стон.

Выдох. Шум тел.

— Ох… девочки. Пока не надо, ладно, Кать?… Стоп машина, малый назад…

Ритм возобновляется.

— Эль, а ничего, что я так… учу?… Ты же чувствуешь, да?… Сама скоро всё…

Стонущий выдох.

— …Главное… любовь…

— Вот да… Тут и слов-то для всего этого… до языка все… Мычим, тычемся… Но всё равно, потому что… важно. Мы-то тоже, знаешь… не сразу… Вот смотри. Есть… ритм, основной, это… стимуляция… Carrier frequency, да? Спинной мозг… дёргает. Мужской ритм, хотя у нас тоже, на самом деле… И есть поверх этого инстинктивного… другой, медленный, сознательный уже… ритм, цикл… story arc, hmm? Feel it… в себе и в… раскачивай, направляй. Но и то же самое: отъезд — наезд, свобода — теснота… зрение — осязание… только умнее движения… осознаннее. …Во-от, вот, смотри как… на кончике так, растягивать, рас… распахивать… не касаться почти…

— (хрипло) Взмыва-ать…

— Чтоб потом, потом… Тем сильней… душа просит, да? И-и… вот так! До упора, до хруста, не вдохнуть чтоб, и… Во-о-от… Спасибо, Андрей Николаевич…

— Не за что… Катенька… Ох что щас будет… Ты… давай ещё, не молчи… В движеньи мельник…

— …О, о… Чувствуешь, да? Понимаешь? Когда чувствуешь, что кто-то… поддержи, тоже, сама сколько можешь… поднимайся…

Ритм ускоряется.

Шум громче.

— И губы, губы… влаги…

— О-о-х-х… Ныряем… держитесь все…

— Ещё, давай… И вот так, жмись… Сними уже…

— …Кр-репче… тесней ряды…

Хэканье.

Стоны.

— Ох… не могу бо…

Срывающееся дыхание.

— For the timid… and the blessed…

Глухой то ли смех, то ли плач.

Громче.

Удары.

Удары.

Оглушительный рёв.

Очень медленный стон.

Сиплый выдох.

— …Й-эхх… хо-о… вот оно… как. Подожди, подожди… не убирай сразу…

Шорох.

Кашель.
Долгое шевеление. Вздохи.
Постепенно стихает.
— Ох как… Ох вы ж… девочки мои…
Глубокий вздох.
— (сонно) Какие ж вы все…
Ровное дыхание.
Тишина.
Долгие сосущие звуки.
— (шёпот) Это влага древних морей, а-а… Мы там жили, представь? Резвились, как эти… с хвостиками…
Фырканье.
Вздох.
— …Маша… Маш…
Шёпот.
Тихий смех.
Зевок. Шорох.
Ровное дыхание.
Шорох.
— Кать…
— М-м…
— Ты спишь?
— М-м. Почти…
Зевок.
— Ка-ать…
— …А-а… Хочешь?…
— Н-нет… то есть, ну… не сейчас…
— А то… смотри. Нельзя так лежать… среди спящих… сразу буди…
— Кать, ну подожди, я… Я спросить хотела…
— Ага… Дай-ка я… Ты говори, говори, я всё слышу…
— Слушай, Кать… А часто у вас… так?
— Как?
— Ну…
— М-м… А тебе… как было, скажи сначала?
Выдох.
— Д-да. …Да. Но Катя, как я могу ещё… дай с мыслями собраться… Да и ты же знаешь, я не умею прыгать и кричать ура, даже если…
Смех.
— Элька моя Элька… Уж знаю, да… Но и ночь-то не кончилась, смотри. Давай разбудим… и попрыгаем, ура?
— М-м…

— Ладно, ладно… А «часто» — ну… как сказать. Не каждый день, но… От нас же зависит. Теперь и от тебя. А сегодня вообще… особая ночь, понимаешь же…

— П-подожди, не надо… (шёпот) А как… он-то…

— Что?

— Ну… больше ж теперь… нас?

— …Ой, Эль… Ты… Что значит «нас»?… Что значит «больше»? Ты что ли думаешь… очередь, расписание? Да?… Делим ресурс?

— Нет, нет, я знаю… Но… какие-то ж правила должны быть? Или…

— Ах ну да-а… ты ведь у нас правила любишь…

Смех.

— Извини, извини… (зевок) Н-ну хорошо… Правила, само собой, хотя… не в словах по большей части… Но и да, понятно, мальчики в дефиците как бы, это… хм-м. Ну и… вот такая ночь… чтоб все вместе — это всё-таки стараемся заранее… договариваемся. И, знаешь, всегда есть кто-то… кому сильнее… надо. И кто… выбирает, а другая… другие… ну помогают, да? Конечно, все готовы как бы, иначе и приходить зачем… и, как правило… все всем достаются в конце концов… Но если и заснём — после… первого, никто не обидится. Как вот сейчас, видишь, отрубились… Большо-ой день был… Но главное, Эль, знаешь ведь: не парься. Все правила — чтоб их нарушать… Дело ж не в правилах… а чтоб всем было хорошо… да?…

Ровное дыхание.

— Элька-а… Да ты спишь, что ли?

— …Н-нет, я… задумалась… То есть… м-м… первая…

— Ну, вообще говоря…

— …Королева ночи…

— …Ну, не королева… первая пара скорее. Не обязательно и разнополая, кстати… Но это, конечно…

— …Со своими… м-м… служанками…

— Ха… А вот кстати ещё про одежду. Это важно, тут уж я тебя буду учить, знаешь… Мы вообще… привередливые… Именно что королеве надо готовиться — приходить самой одетой, самой… *одето* красивой, да? Потому что раздевание — это же сумасшедше важная вещь, ну ты понимаешь… А служанки наоборот: минимум всего, готовность… рубашка да носочки. То есть… вообще-то, как я вдруг понимаю: они как бы… собой жертвуют, отдают… ну служат, да. Парадоксально немножко… что-то в этом…

Ровное дыхание.

— Элька-а… ну вот ещё… Меня разбудила, а сама…

— …М-м…

— Элька, ну… А то я теперь уже хочу…

Неясный шёпот, шевеление.

— Эль… Давай в ту комнату? Жарко тут… надышали…

— …Н-н…

— ...Ну или давай разбудим... а?... Хочешь?...

Ровное дыхание.

— (шёпот) Ла-адно... Спи... (совсем тихо, напевает) Эльки-нэ, Эльки-ко...

— ...Вот ведь как... девчонку мою рыжую... Во-от как разобрало. Раскричалась, а?... Разбудишь, не хотела же будить...

Стоны громче.

— Эй, ты смотри... я ведь... тоже тут... о-ш-ш... а-а...

Хрип.

Биение.

Задушенный крик.

Тяжёлое дыхание.

— ...Тихо... тихо... всё уже, всё... вот ведь. Как тебя, с... с ума сойти... И я-то, главное... Я, может... не собирался ещё... вообще, и не мог! Официа-ально... Что ты наделала, Катька... А?

Задыхающийся смех.

— Катька вредина... вре-е-дина. Всё девочкам расскажу...

Расслабленное кряхтение.

Последняя ритмичная судорога.

Фырк. Неразборчивый шёпот.

— ...Юшенька... Юша...

Сонный стон, растворяющийся в выдохе.

Ровное дыхание.

Тишина.

— ...глядеть на... брачующихся. Не только что твой взгляд — всегда ласка, награда... л-лайк! Но главное-то, что она, награда эта... настолько... совершенно, божественно незаслуженная. Это и пробирает, да? Награда — тебе — за то что не ты, меньше всего ты *сам* делаешь... или даже хочешь... делать, а вот за это самое лучшее на свете, что с тобой — происходит. Не может не происходить. Хоть вот сдохну я... на тебе прям сейчас, и то...

Смех.

— М-м... Не надо...

Неразборчиво несколько голосов.

— ...А почему незаслуженное пробирает... А вот так. За то, что ты просто есть. Работать, сделать, заслужить — тоже, да и да, но это уже другое, противоположное... верхний этаж, а его не построишь без первого. Надо чтоб сначала... кто-то тебе улыбался просто потому, что ты есть... И что хорошо тебя видеть. Что кому-то хорошо — от тебя...

— ...И потому что красиво... там. Когда красиво, нужно же, чтобы кто-то...
— Да, да, да... Красивая Маша... теперь-то ты наша...
Смех.
Возня.
Стук открываемого окна.
Вздохи. Потягивания.
— ...Давайте ж смотреть... и смотреться... В реке, в ручейке... О, Элли! С добрым утром!
Шум листвы. Пение птиц.
Кашель.
— (хрипло) Здравствуйте...
— ...Ты так смотришь... «Значит, это был не сон», да? А улыбнись?
— И давай-ка к нам... Нет, нет, не туда пока, там... у нас, видишь... сложно всё. Вот здесь, во-от... Какая ты...
Шорох.
Тишина.
Торжествующие крики.
Смех.
Возня.
Скрип. Босые шаги.
— ...А попить принеси нам, Кать? Раз идёшь... А то полная уже... дегидрация... децимация...
Голоса неразборчиво.
Шум. Шаги.
Звяканье.
— ...чудо, да, девочки? Чудо, тайна... хотя самую-то тайну мы ещё и не успели, может быть...
Глотки. Голоса.
— ...Машенька, конечно, и... честное слово... вот чуть не умер. Так сердце забилось... Девчонки, вы... самые... тёплые в мире, самые...
— «Обождите, я затеплю»...
Взрыв смеха.
— ...Да! И совсем, совсем... Порадовали старика...
— (шум, неразборчиво) ...мальчик!
Общий смех.
— ...застенчивый как мальчик...
Хохот.
Возня.
— ...Тихо, дети! А ну-ка... Я, конечно, проспал всё самое интересное, но... кажется, одна диагональ ещё не закрыта у нас. Или я ошибаюсь? ...Элли, Маша?...
Фырк.

— Н-ну-у...
Смех.
— ...Ах, Андрей Николаевич...
Далёкий крик петуха.

2 ПРАВИЛА ЖИЗНИ

ВООБЩЕ. *Мы тут не кино снимаем, мы тут живём.* У каждого свои фетиши и антифетиши, поэтому вот минимальные гайдлайны для выживания в нашем муравейнике. Любое правило можно игнорировать, с причиной или без, но сначала правила надо знать.

Если не любишь кого-то *телесно*, вряд ли с ним уживёшься. Увы, но так. И ура, что так.

ТРОГАТЕЛЬНО: общим голосованием это наш главный эротический идеал и turn-on. Чудесным образом одно слово определяет и духовное, и физическое то, что мы хотим друг для друга быть и делать.

ТАБУ. Too many to list, да и зачем. А собственно, всё анти-трогательное: агрессия и самоутверждение; кожа (кроме мелких фенек), латекс, пластик; толстая косметика, душные духи; манерность и претензия; затянутость и звериная серьёзность, каблуки и плётки (а-а-а!), квадратные рты и презрительные глаза. Любое уродство, пошлость, degeneracy, агрессивная перезрелость. Хуже всего: вкоренелая глупость (не путать с возрастной).

Мы не рабы.

ЕБАТЬСЯ. Мы ебёмся. Мы любим ебаться. Это правильное слово. Хорошее. (Только возвратная форма!) Не уродство, не насилие. Но оно сильнодействующее. Чувствуй, когда можно. Бесстыдство сладко, но должно оставаться бесстыдством, не привычкой, не ленью. Не разбавляй сильнодействия: говори, но думай когда и для чего.

Чистому всё чисто.

НАГОТА. То же самое. Нужно равновесие, но если ошибаться, то в сторону скромности. Бесцельная бытовая обнажённость десенсивизирует. Скинуть всегда успеем (помогут). Нагота — козырь: хочешь выиграть — не выкладывай сразу.

Я — твоё зеркало.

ТРУСИКИ, самое трогательное в одежде. Any color so long as it's white. (Можно *чуть* голубого. Но красное, розовое, чёрное — табу. Розовое вообще табу.) Узкие сбоку (не шире двух пальцев), бретельки или завязки. Полный треугольник сзади (не стринги). Шёлк, хлопок без синтетики. Можно в сборочку. Не надевать больше нескольких раз, безжалостно в утиль, на этом не экономим.

Свежесть! Прижаться и вдохнуть.

НОСОЧКИ. Почти обязательны. (Есть разные теории зачем, здесь не место.) Белые либо яркие, непрозрачные, можно полосы/узоры; нельзя серые, мрачные, кровяные тона. Чисто чёрные — да, если прочая одежда требует. Длина любая — до коленок, короткие пушистые, thighhighs. Оборки, бантики, кружева можно. (Пояс/подвязки табу, разумеется.)

Тоже шёлк или хлопок, тоже не занашивать. Не ходить (долго) босиком в том, в чём запрыгиваешь в постель.

ПРОЧАЯ ОДЕЖДА. Не бывает повседневной одежды. Каждая — образ, праздник, подарок, вызов. На одевание друг друга тратим не меньше, чем на себя. Шмоток в доме море, меняй каждый день, но можно и шить, и заказывать. Не спеши, присмотрись, пойми чего не хватает.

Главное: расслабься.

Но: без трудных застёжек (лучше всего завязки на бантик) и топологических ловушек. Юбки/платья — через верх. Приспичить может где угодно, это же дар богов: надеваем, чтобы снять. Всё должно быть *готово*.

ВОЛОСЫ. Убраны. Хоть простой хвостик, но распустёхой не ходим. Косы, узлы, диадемы, чепчики, хайратники — пробуем всё. Мыть чаще.

КОСМЕТИКА. Абсолютный минимум, что на практике обычно означает ноль (или невидимая). Можно чуть теней на веки, но чтоб не мазалось. Рот чист: помада для нелюбимых. Ногти короткие (d'oh).

Улыбайся!

БИЖУ. Можно, но чтоб в постели не цеплялось и не резало, то есть практически нельзя, только если снимание перед не напрягает (а оно напрягает). Особенно нельзя тонкие цепочки на шею. Металлы: серебро, медь, прочее хуже, золото хуже всего.

ЗАПАХИ. Слабость и свежесть. Лучше всех — чистого тела, воды и мыла. Но можно экспериментировать, при условии что запах слаб до исчезающего. (Пример: капля любых духов на коже — это убиться сразу. Максимум — побыть минуту в комнате, где на что-то было капнуто.) Не купаться в бассейнах, не гулять долго по городу летом.

Запахи еды/кухни — в постели табу. Переодеваться, волосы при готовке закрывать, чтобы не впитывалось. Чистить зубы всегда. Жареное, включая кофе, только к вечеру: утро есть *свежесть*.

ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ: он знает. Да и всё то же самое, в общем-то. Бриться чаще, стричься реже. Не убегать, когда моют, одевают и причёсывают. Быть.

3 СБОКУ, НО ГЛАВНОЕ (ЭЛЛИ)

<…> как после переезда три года назад писала (смешно теперь читать, но и страшно немного, как же я изменилась). И вот опять у меня «новое место», привыкаю, но это-то место не просто новое, оно… смешно даже сравнивать. Писание и это со временем угаснет, наверняка, и ладно, но пока хочется попробовать в себе разобраться. Главное — хоть что-то *тут* понять.

Почему я к ним пришла, или правильнее даже — почему осталась? Осталась ли? Но мне здесь нравится — вот это я уже поняла, это был первый вопрос у меня к себе, главный, и писать начала, только когда совсем ясно стало: да, нравится, и уходить не хочу. Хочу не в гости, а хочу тут жить. Не знаю, семья ли это, бывают ли такие семьи, но мне, кажется, вот именно такая и нужна. Хотя очень трудно объяснить, почему.

Попробую по-детски: хочу, потому что тут хорошо. А вот что именно хорошо, это уже совсем как-то не по-детски. Хочется сказать «не в сексе же дело», но будет вранье: вот именно что в сексе, ну или и в сексе тоже. Это совсем, совсем особенное здесь. Как-то сразу чувствуется, что такого даже нигде и не бывает, не может быть, только у нас. (Нас!) Нет, не одержимость, но и не бездумная потребность, не как есть и спать. И не религия, не спорт… Тьфу, а вот как же описать это, не понимаю: перечисляю все, что «не», и к каждому сразу хочется добавить: а ведь и это тоже! Наверно, религиозное что-нибудь будет самое правильное: любовь, как всемирный принцип, но и физическая и духовная одновременно, без конфликтов, вообще без различения. На ней все тут держится, без нее все лишается смысла. И мне кажется (пишу и сама удивляюсь, вот занесло-то, но что-то в этом есть), что они как-то этот всемирный принцип любви поймали, оседлали, запрягли, и держатся за него, и он их везет. И держат они его именно что сексом, ну или чем-то таким, чего секс есть прямое проявление и поддержание. Как дыхание — проявление и поддержание жизни. Вот как-то так.

Нет, правда, в этом что-то есть (перечитав). Они все как будто не дергаются по жизни, вообще, вот поймали эту свою всемирную любовь и плывут на ней по течению. Почти все у них как будто бы случайно происходит, но при этом уместно,

удачно, без усилий и нервов. (Мне к этому пофигизму труднее всего привыкнуть, конечно.) Как будто такой волшебный фон везде, который все случайности и вероятности сдвигает в правильную сторону.

А как я здесь оказалась: это ведь тоже такая неизвестно кем подкрученная случайность. Не было каких-то долгих историй или там ухаживаний, просто все сошлось и стало «все ясно» чуть не с первого дня. Помню, когда Катя меня тогда вытащила и все рассказала, я тогда же и почувствовала — судьба, рыпаться бесполезно. Ну и не рыпалась. Нет, были, конечно, как полагается, встречи, гуляния, всматривание, как бы знакомство постепенное (как жаль, что не записывала тогда ничего), были письма (перечитать!), но все это промелькнуло, даже вспоминается сейчас с трудом. Будто бы и не со мной.

А новая жизнь, здесь… самая первая ночь была даже и не «моя», а Маши — то есть «приняли» меня через нее, она как будто меня, новенькую, сыграла для меня же, а я смотрела. И правильно, потому что с моими-то заморочками — вот именно так мне и надо было, я потом поняла. Если б все тогда на меня накинулись на радостях, на мозги бы сели, нужно было бы соответствовать, я бы закрылась моментально… может, и сбежала бы просто. А подсмотреть, вот так сбоку, но сразу главное — было как-то нестрашно, и… хорошо. (Хотя до сих пор и не знаю, чья это идея была, скорее всего Катина, это ж надо меня знать, чтоб так придумать, но она не признается. Или опять случайная удача?) Вообще очень помнится та первая ночь, хотя потом бывало всякое, и лучше бывало.

Сначала, ох, жутко волновали все эти вопросы: кто с кем, чья очередь, сколько раз… Сейчас уже смешно, и немножко стыдно, хоть я и не помню никаких объяснительных разговоров. Как-то все из воздуха впиталось. А мне же всегда все надо привязать к понятному: вот увидела, что тут, ага, трахаются, и надо же срочно выяснить все правила.

А правил-то тут как раз полно всевозможных, но это скорее литературное творчество, кодексы, манифесты, чеклисты, просто речения всякие. Но когда надо действительно быстро объяснить что-то, как вот мне в первые дни, то это все, как выясняется, «не то», надо новое сочинять, новая жизнь — новые правила. И вот мы два дня писали все вместе эти «правила жизни», а потом еще решили, что как новенькая я могу три своих новых закона добавить, без обсуждения (пока не придумала). Впрочем, даже и эти не слишком соблюдаются, как я погляжу, и наказаний никаких нет, вообще все как-то по согласию решается молчаливому. (Чуть не написала «по соитию».) Или если не молчаливому, то кто-нибудь выдаст какой-нибудь афоризм, и «всем все понятно». То есть никакой конституции, одни «ощущения». А одновременно с этим и мелочность, какая-то даже детская местами, но не раздражает, а как будто успокаивает: ну да, вот нету в мире важнее, чем какой ширины трусики сбоку. Попробуйте, сами поймете.

Все остальные проблемы мы типа решили уже.

<…> что любовь и секс — настоящие, надолго — это продукт ума прежде всего, что у нас тут отбор не столько на прочность чувств или там социабельность, сколько

на «понимание в жизни». Потому что дураки не бывают по-настоящему счастливы никогда. Видеть, замечать, понимать, учиться, пробовать, удивляться... (что-то еще забыла) — это все коррелирует с интеллектом прежде всего. (О как, получается, я целый экзамен выдержала, чтоб сюда попасть — знают, чем польстить!) Умный не может не любить, потому что понимает центральность этого в мире, знает, что это единственный, но зато самый сильный вечный двигатель (а у глупого вместо любви или жадность, или насилие, или ему это вообще как поесть или в туалет сходить). И возбуждает по-настоящему не просто секс, а когда отдает и берет тот, кто все понимает, и тебя понимает, и себя, и видит насквозь уловки природы, но умом (а чем еще?) переводит их на совсем другой уровень.

Только вот... о любви-то я и думаю все время. Люблю ли я *его*? А Машу? Да и Катьку-то мою? «И как он их любит»? Уж про Катю-то давно бы можно было как-то для себя решить... И кстати, это же она еще в школе мне про него объясняла, и давала читать. Я это очень помню. Конечно, до какой-то там любви было еще далеко, даже пусть школьной, портретов по стенам никто не развешивал, и вообще все это совершенно не про нас... нам с Катей и друг друга хватало (мне уж точно). Но лицо его я увидела уже тогда, и запомнила. (Отчасти, наверно, было и желание выделиться, внутренняя такая гордость, для себя: вот у меня что есть, никто из *этих* и не осилит даже, а мне нравится... но мало ли мне книжек нравилось? Другие *так* не запомнились. И пора бы это все перечитать, кстати же, новыми глазами.)

«И вот я здесь», и... все совсем не так, совершенно. Не то чтобы мечта сбылась или наоборот, мечтать-то вообще было некогда, так все быстро повернулось... а просто здесь ВСЕ другое. Другой план существования. И если это у нас любовь, то такая любовь очень редко бывает, а может и никогда, и все что я про любовь читала, не могло быть про такое просто из-за редкости. (Потом пояснить.)

<...> прям чувствую, как изо всех сил стараюсь их «не пропускать», ни в коем случае не делать их вторым номером после *него*, даже, наверно, переусердствую иногда. Хотя вообще-то заставлять себя не приходится, они очень добры ко мне, обе, удивительно, стараются наперегонки опекать. Катя как будто хочет мне додать, что когда-то не додала... Но все-таки и я, тоже, «заставляю себя», постоянно себя на этом ловлю: отчасти, конечно, как бы в благодарность («поделились» же!), но больше всего потому, что очень-очень *боюсь* — боюсь даже тени раздора, хоть и сколь угодно воображаемого и немыслимого здесь. Это же мой всегдашний инстинкт: бежать от малейшего намека на скандал, на чье-то недовольство, это мой «конформизм», а на самом деле такая гипертрофированная стеснительность, или даже брезгливость. Сколько фильмов не досмотрела из-за этого, и хороших, — но «не могу когда орут», проматываю, выключаю, даже в книгах пропускаю куски иногда.
«Анти-Достоевский» — Л. меня называла. И вот теперь здесь, где никто вообще не скандалит (а почему я так уверена? без году неделя? но вот уверена же), все равно это самое вылезло — через страх. Поначалу вообще ходила как по лезвию, все время придумывала за них на себя — вот, мол, какая, «влезла», «захапала себе» и прочая чушь, но вытравить очень трудно... Притом же мне и правда больше доставалось, и

достается, как бы honeymoon мой все еще, хотя я так и не знаю, запланированный он или «просто».

А спросить — ну я же знаю, что он ответит: что не «или», а всегда и то и другое, и план и вдохновение. Что нужно и «просто» любить и строить это, делать, уравновешивать. Так вот я же и уравновешиваю, к девочкам липну — и, кажется, искренне, очень с ними хорошо, они уже, наверно, самые близкие люди в моей жизни... но, конечно, не сравнить. Не сравнить.

Думаю-то я все равно о нем почти всегда, и вспоминаю, как у нас было, хотя вроде бы было только что, и еще будет, как только захочу (ну или почти как только, я уже, кажется, расслабилась насчет очередности, но иногда все-таки дергаюсь). И вот опять себя ловлю: что же я вспоминаю при этом — его самого или... *как* было? И есть ли разница? У нас ведь почти все общение в постели или так или иначе «в сцеплении», потому что этого не бывает, только когда мы совсем заняты, а тогда и разговаривать тоже заняты. И все равно я его «знаю» намного хуже, чем девочек, даже и после всех бесконечных разговоров. Как будто какой-то туман в голове, когда с ним, разучаюсь соображать, и потом такая блаженная звенящая пустота. (Это, кажется, цитата откуда-то.)

Вот он пробежал, я увидела из окна, и... да. И что это, пристрастилась к сексу или любовь? Не знаю, и в чем разница, не понимаю уже. Все смешалось в этом дурдоме Облонских.

Пристрастилась — это, конечно, тоже. Никогда не думала, что можно *столько*, и не надоедает. И непредсказуемо, вот именно как приспичит, где угодно может. Иногда раз за разом, просто не оторваться, но может и по нескольку дней ничего не быть, и никто слова не скажет. То есть никто не хозяйничает, не давит, не «имею право», не «мой/моя» — вот это, наверно, главное. Каждый раз как первый раз. Расслабленность, но не ленивость, не пресыщенность.

Как они все смотрят друг на друга! И на меня вот посмотрят так <...>

<...> не обязательно и до конца. Просто пообниматься, поласкать, пораздеть, поваляться, «первую сладость» — и вот уже разлетелись по своим делам (которых всегда вагон). И все равно очень встряхивает, дольше помнятся эти прижимания в неудобных местах, чем целые ночи кувырканий в спальне. Неудовлетворённость удовлетворяет (дурацкое какое слово, дайте две), типа встаешь из-за стола чуть голодным. «Не для галочки» это называется у А.Н., хотя ему-то как раз труднее, вроде как мужская физиология требует галочку поставить, но он «работает над этим». Одна из его теорий: мы развели в стороны секс и воспроизводство, теперь надо развести секс и оргазм. Не отказаться от оргазма, а сделать управляемым. Делать его когда нужно и когда именно его хочется, а не так чтоб обязательно трепыхаться, пока не выбьешь, и отдыхать после. Логично, хотя...

<...> знаки, на все случаи жизни, как бы наш внутренний язык. Слова, но и жесты, и символы — когда кто-то не уловил из воздуха, из взгляда, из интонации, то есть когда надо дать понять быстро, но не обидев. Я, конечно, набросилась зубрить, но оказалось, что общепонятных и каждодневных немного, остальные в лучшем случае

работают в парах, а то и вовсе никому, кроме их автора, не известны. Катя так и объяснила, довольно жмурясь, она же наш главный символический вулкан и энтузиаст. Плюс у ходовых знаков множество вариантов, на разные ситуации… то есть, вообще-то, непонятно, как это все может работать, но как-то работает. Главные знаки, конечно, про «это»: куча версий «я один» или «мы одни», когда не хочется никого ни в каком виде, потом ограничительные — что можно смотреть, но не трогать, что можно «помогать», гладить, ласкать, но с краю, не встревать, ну или хоть не сразу, и наконец главный знак — ура, всем все можно, налетай, втискивайся, тяни на себя и вообще делай что хочется.

<…> главный фетиш здесь: «назад к природе», деревенская идиллия на первый взгляд, местами даже дикарская. Все «свое», ни от кого не зависим, ну или почти. Но, пожив, начинаешь замечать, что простота эта обманчива, техники даже слишком местами, но она вся homebrew, не торчит, не мигает, вообще на глаза не попадается. Что иногда раздражает — но многое реально удобно, привыкаешь. Хотя вот к вибраторам попробуй привыкни… которые тут везде, но притворяются чем-то другим или спрятаны во что-то. Просто безумие какое-то, ждешь что любой стул задергается, как сядешь. И не жужжалки с моторчиками, конечно, а мускульные все, очень живые, чувствующие даже. Это у Кати был период, неживое как живое: налепила кучу такой мебели и разных штук, и с хитрыми триггерами, теперь уж многое забыли даже как включать. Идея была, что вибрации же это не только эротика, что они вообще стимулируют жизнь, во всех ее проявлениях. То есть плывем опять по течению: о-о, смотрите, весь мир колышется возбужденно, а мы такие ходим с закрытыми глазами и прижимаемся чем придется куда попало <…>

4 OUTSIDE THE ASYLUM (A.H.)

Здравствуй!

Пожалуйста, не плачь!

А сам слышу твой голос, милое твоё увулярное «р», и чуть заднее «ш» после гласных, и почти реву. Слезлив и не стыжусь. Давай плакать вместе.

Всё устроится скоро, уже устраивается.

<...>

Мы все тебя любим и ждём. _Все_ подчёркнуто три раза, заглавный курсив!

Катя много про тебя рассказывает. (Кажется, что я тебя знал _всегда_.) Маша говорит, что ты очень хорошая и очень наша, в рифму к ней. (И что, может быть, ты сможешь поучить её программировать?) Она тебе напишет.

И уже всё для тебя готово, вот посмотри. Второй этаж слева от зала, с башенкой — это будешь ты. Внутри мы всё сделали, но это ты пусть увидишь уже здесь, и сама, конечно, сделаешь ещё лучше.

Можно ещё попросить? Пожалуйста, напиши мне на наш _общий_ адрес, то есть как бы разреши читать и отзываться _всем_. Но не всем пиши, а всё равно мне, вообще кому-то одному, но не стесняясь всех. Ты ведь нас уже знаешь. Приватность никто не отнимает, но мы _умеем_ и вместе. Привыкай?

Ты — чудо.

Теперь про наше «затворничество».

Отрицание настоящего — это легко, и не главное. Просто задёрнуть шторы и читать только хорошее. Всякую чушь — «не знать», с невинной улыбкой типа «а кто это». Но у нас-то другое: у нас проблема не столько с чужим («общим») настоящим, сколько с их _будущим_. Это серьёзнее. От будущего не спрячешься. Не хочешь попасть в чужое будущее — делай своё. И уже не обойтись одной невинностью: надо

налегать на руль, надо осмотическое давление создавать изнутри. Попустить и страсти, и злости. Не чтобы бороться с чужим будущим, а чтоб делать прочнее своё. Это единственный способ. Правильное будущее побеждает __само__. Просто — приходит.

Настоящее настоящее — это будущее. В настоящем ничего нельзя поменять, в будущем — всё можно. Притом же это весь мир, в нём __все__ есть, и я и ты — и это всё, всё __твоё__. Как захочешь, так и сделается.

А завязнешь в сегодня — поезд уйдёт, останешься ни с чем. Как попаданцы в прошлое — знаешь, был такой жанр? Сначала восторг, лиса в курятнике, вот я им сейчас мозги-то прочищу... споришь там с Честертоном каким-нибудь, с правыми и левыми, с Фрейдом воюешь (но и ужасаешься его силе вблизи). Обильно публикуешься, ездишь, разоблачаешь, раскрываешь глаза. На сколько-то лет хватит завода, да и результаты будут подпитывать, почему не быть результатам (конечно, не таким, о каких мечталось, но всё-таки). Насколько-то ты будущее приблизишь, спору нет. Но в глазах будет — тоска. И чем дальше, тем хуже. Твой поезд, __настоящий__ твой, ушёл, не догнать его никогда. Даже не представить, где он сейчас катит. Там твой настольный свет от скорости дрожит! Да, там не поразишь никого предсказаниями, не повозишь дурачин мордой об стол, но зато увидишь __новое__, и сама откроешь, уж открытий-то хватит на всех. А «здесь» — «всё понятно», без просвета, «сколько нам ещё идти, отец», «до конца, мать». Нужная тяжёлая работа, обречённость.

И вот это мы и есть: не высокомерие и брезгливость, а убегание безнадёги настоящего. Строим свой поезд, чтобы вернуться назад, то есть вперёд — хоть сколько-то вырваться. Мы настоящие попаданцы, потому что совсем не мечтали именно в сюда угодить. Nous sommes ailleurs.

И ты тоже.

Самое невероятное, самое сказочно чудесное: что __ты__, моя ты, Элли Долгого Озера, Сказавшая Да На Мосту Четырнадцати Шагов — ты наша, ты одной крови, ты будешь с нами.

Здесь наш сад, наш лес, наше море. Злость — только на границе, а чтоб меньше злиться, просто отодвигаем границу подальше. Мы — Outside the Asylum, выход из сумасшедшего дома, ещё одна попытка, очередная. (Поудачнее многих so far, насколько могу судить!)

Настоящее нельзя не бичевать (кстати, любое, как любое было когда-то будущим, как и любое станет романтическим прошлым), но от этого костенеешь. Мы ведь не боги, чтобы бесконечно любить «всё» и не скисать от него, не беситься, не опускать рук. Мы ищем локальный оптимум сиюминутной радости и вечного счастья. Отсюда наше самодельное, налегке, будущее. Ручей, очаг и ложе.

Половина бед человечества оттого, что чем ты умнее, тем невыносимее тебе ломиться в открытые двери. Учимся учить и учиться. Поэтому нужна тишина.

Я постараюсь выбраться на след. неделе, вернее всего в среду. Очень много работы сейчас, два больших проекта к Равноденствию выкатываем. <…>

Тебя страшно не хватает. Особенно по ночам. И по утрам! А уж вечерами… Днём вообще на стенку лезу…

Пиши каждый день.

Хоп!

5 РАЗВЯЗАТЬ ЛЕНТОЧКУ (КАТЯ)

ИДЕЯ: *заначки*. М не очень-то на природе, Нэко тоже городской ребёнок теперь у нас, гулять пожалуйста, но «пора домой». Но ведь и хочется, хочется, видно! *Лето пока дают*, нельзя всю жизнь на одной постели. И вот Юшина идея, давняя, тогда невсерьёз, но это же можно сделать, попробую хотя бы. Запаянный стерильно комплект: подстилка с подогревом, полог?, вибр, всё что надо, и спрятано где-то в удобном месте — в ветвях, в пещерке, у реки за камнем, мало ли. Каждый знает свои заначки но не знает чужих. Смысл — что не надо бежать в дом из *хорошего места*, где *оказались*, где *увидели* друг друга, но и не кряхтеть ужиматься, а протяни руку и сразу тебе шёлково, чисто, домашне, тепло, прямо вот в лесу на пригорке. И поебаться всласть среди цветов и облаков, не колет, не кусает, хорошо! *Важно:* использованные сворачиваем, уносим домой, вот, это место как бы уже вылюблено этим летом, не надо повторений; а зимой пополняем заначки, прячем на прогулках под снегом подарки для лета. Комплект должен быть оч *маленьким* в упаковке, поставить серию. Может, даже зимний вариант получится, посмотреть какие нагреватели есть. И лежали они в обнимку в сверкающем снежном лесу, эх.

ФИК: *планета дев*. Раз в много лет им забрасывает из космоса одного мальчика: начинается сезон семейный, уставшие от жизни могут родить девочек и наконец уйти (улететь?). Дев миллионы, и они бессмертны, а мальчик нет, ему предстоит здесь вырасти, прожить, состариться. Зачинают буквально от прикосновения, поначалу очереди, конвейер, но вскоре отсеиваются несколько — любовь, хотят быть с ним всю жизнь, уйдут с ним. Но и другие, миллионы, ждут семени, и ближние начинают *раздавать из себя*: когда он затихает, дева целует, встаёт, летит в один из Храмов на семи холмах, и возлегает на ложе, и раскрывается, и тысячи проходят перед ней, целуют орошённую розу, вздыхают, улыбаются, улетают вынашивать.

А мальчик бегает по планете, легконогий, голый, только кончик завязан, притянут к яичкам ленточкой, чтоб не мешало бегу, как греки делали на олимпиадах. Девы провожают его глазами... иногда, редко, он высматривает одну, подходит, улыбается, целует, даёт развязать ленточку. Никто не отказывается. Тем более что не

связанным Клятвой Семи в храм нести не нужно, можно всё оставить в себе, полную порцию: безумная избыточность, роскошь, богатство, блаженство. Никто и знать не будет поначалу, а ты просто выносишь себе совсем свою — капельку, деву внезапной любви. (У таких капелек потом особый статус, конечно.)

6 ЧТО СО МНОЙ СДЕЛАЛИ (ЭЛЛИ)

<...> то на ты, то на вы — с теперь уже привычной актёрской сумасшедшинкой. Круглосуточный театр, пьесы сменяются на ход ноги. Кому-то вдруг стукает, и он начинает тянуть, причем именно тянет, намекает, а не объявляет, что, мол, теперь мы дракон и принцесса. Другие постепенно соображают, вспоминают роли (кто хотя бы с первоисточником знаком — мне это все еще читать и читать, когда они только успевают), втягиваются, начинают импровизировать. А бывает, что и не втягиваются — кому-то вот не катит, не получается въехать, не под настроение, и это как бы конфликт, со стороны незаметный и непонятный, но довольно сильный иногда. Но обычно и недолгий, потому что можно же поебаться (вот, сказала), и опять тебе любовь и благорастворение. При том что и «фики» сами, понятно, тоже вокруг любви и секса все крутятся.

Больше всего фиков Катиных, она же и тут — гений парадоксов друг, великий комбинатор всех со всеми. Машиного меньше, и у нее все абсурднее, без имен и названий, «апофатический зоопарк»... играть трудно, но хорошо цитировать, запоминается как стихи. Есть несколько фиков по опубликованным текстам А.Н. (ранним), более или менее коллективное творчество, но специально он для нас не сочиняет, хотя с удовольствием правит. «С вами и так слишком хорошо», сказал мне. В смысле, зачем как-то ещё украшать то, что и так есть (я так поняла). Или, может, давить авторитетом не хочет, он ведь нам и учитель, а учитель должен показывать класс редко, чтобы не отбить у учеников охоту.

А может — мы все трое его фик... вот просто он нас всех придумал, чтоб мы дальше всё раскручивали, из его идей? Овеществил части себя, на которые у него времени не было, чтобы каждая сама дальше жила и усложнялась. Но без постоянного телесного контакта мы же зачахнем, как морок, и вот он в нас жизненную силу льёт каждый день. Ну точно! Наверняка эта идея уже была, спрошу у Кати, если нет — я забила тему, будет мой фик.

Вообще, кажется, я врастаю постепенно, свежесть восприятия уходит, меньше пишу. Ещё и времени не хватает вечно, хотя, казалось бы, чем нам тут заниматься на

всём готовом, давно бы перебесились от скуки, как гаремные тётки, но ничего же похожего. Всегда куча срочных дел, даже и не считая постели и разговоров, которые всё равно срочнее всего. А смотреть на кого-то, чуть не плача от счастья — это, оказывается, самый сильный ускоритель времени, дни летят как облака на таймлапсе, только успевай смаргивать.

И о любви опять… Пришла-то я сюда к *нему*, и ведь не решалась всё и нюнила, потому что не хотела делить, боялась ревности, разборок, вообще кого-то, кроме него. Даже на Катю злилась. И даже и особенно — на Катю… Но это не ревность была, а какая-то… раздраженность, что ли? Неуверенность? Что-то типа «ладно, пусть, если им хочется, только чтоб не при мне»… И вот. Я по-прежнему не уверена, что я «люблю», и что это вообще такое, и способна ли я на это в принципе, etc. Но теперь уже могу сказать, что если люблю, то всех. По-разному (без сравнений! нельзя сравнивать!), но всех. И даже вместе. Сначала, понятно, с Катей больше, но вот и Маша…

Безумная наша чехарда, постоянное перемешивание — так и не знаю, специально это или просто от общей расслабленности: только к одному прилепишься, а уже другой подсаживается, тянет, раскрывается, зовет… А пока ты со вторым — первый уже соскучился, накопил для тебя что-то, хочет еще сделать, показать, порадовать. Публичность секса очень помогает таким перетягиваниям, хотя вот опять неверно — он вовсе не публичен в смысле «напоказ», просто знаешь, что когда ты с кем-то, другой всегда может прийти… и *хочет* прийти, улыбнуться, поглазеть, погладить, да просто полежать рядом. Помечтать. (Есть знак «вдвоём», но им редко пользуются.) Поначалу очень напрягало, интровертный мой инстинкт против всякого вторжения, но сейчас уже я оттаиваю, кажется. И это даже дико возбуждает, если совсем честно, не понимаю пока почему.

<…> Маша очень, очень красивая, очень белая кожа, очень черные тяжелые волосы — домиком, прямой пробор, низкий узел сзади, всегда удивленные глаза и нежные платья (вот не подобрать другого слова, именно нежные, полуфолк, полусредневековье, но всегда очень просто… и трогательно, да). А.Н. вблизи… очень большой — хотя у меня до сих пор голова кружится от его близости, не разглядеть, и, конечно, уже не вспомнить, каким он казался издали, не сравнить. Чудесная пара они с Машей, а Катька рядом с ними — как гиперактивный подросток, Пеппи-длинный-чулок с её юбочками и thigh-highs, «рыжая от любви»… и волосы вразлёт, как юбочка. А Маша поёт…

Господи, а я-то, я! Моль бледная. Зачем еще я им нужна? Как я впишусь? Петь не умею, за Катиными фантазиями мне не угнаться… Бедная родственница? Пла́чу — то ли от счастья, а больше-то от страха, вот натурально плакала вчера вечером. Выставила сначала знак одиночества, думала посидеть, разобраться, расписать все по пунктам, но почти сразу не выдержала и повесила «хочу» (знаки реально спасают, кстати). Прибежала Катя… а потом пришел А.Н. Любовь заразная штука, оказывается, во всяком случае такая, как у нас тут. А ревность — ну не знаю… вот вспоминаю (хотя больше по рассказам), как папу к маме ревновала в детстве, просто чтоб напомнить себе, что это такое.

А может, они меня на воспитание взяли, подобрали из жалости, чтоб не пропала? «Всего этого могло и не быть»... Или как тест себе, проверка, смогут ли переварить еще одну, вылепить из чужого — еще одного себя? Или даже: так ли у них хорошо, как кажется изнутри? На сторонний свежий взгляд? То есть мне бы лучше не подлаживаться, не зубрить (ишь, дорвалась), а наоборот: скандалить, высмеивать, отказываться понимать? Настоящая проверка на прочность чтоб была. Ну тут они маху дали со мной, конечно, такого конформиста поискать... И спрашивают же — как ты, да что ты, да как бы ты выбрала... я думаю, это меня так учат, а может, и они все от меня учатся не меньше? (Надо бы спорить почаще.)

А почему всё вот так — не знаю по-прежнему. Даже не знаю, настоящее это или просто я еще в периоде начальной эйфории. Конечно, страшно: что если на самом деле тут все серое и через нехочу, а у меня розовые очки, или еще хуже — всё на самом деле розовое снаружи, но под этим какая-то гадость несусветная запрятана. Понятные страхи, во всяком случае. Но вот если (не будем оценивать вероятности) всё действительно более или менее так, как кажется, то куда могло это все испариться — ревность, собственность, борьба за внимание, интриги? Истерики, сцены? Человек больше не «так устроен» или я ничего не понимаю в психологии (действительно, всерьез не занималась, но уж столько-то я знаю, это даже в школе проходят)? Он нас всех под гипнозом держит, или вообще это всё симуляция и я здесь единственный живой человек — ага, вплоть до такого. Тоже фик.

А если это реально, если так можно жить годами... счастливо, и даже брать новеньких, и их делать счастливыми? Вот что они со мной сделали? Да ничего вроде особенного. Есть странные некоторые правила (запишу, когда обдумаю), но никакой специальной дрессировки, скорее даже наоборот. Я, конечно, сама по себе интроверт и соперничества избегаю, с детства, но всё-таки... И бывает же страх, неуверенность, а если вспоминать, то и раздражение, и скука временами, но почему-то они не выплёскивают, как раньше. Слезы часто, да, но это всегда вперемешку со счастьем, не поймешь даже, чего больше. Неужели опять все дело в сексе — какая-то универсальная отмычка от всего получается? Трахайся себе направо-налево и будешь здоров?

Вспоминаю первую ночь опять... теперь уж можно признаться. (А почему теперь? Увереннее себя чувствую просто, зацепилась, можно уже посмеяться над первыми дрожащими шагами?) Критический момент один был, я чуть не сбежала... Как меня там учили, ненавязчиво, но учили, будто я правда в первый раз, и я улыбалась изо всех сил — а саму рвало на части. Гремучая смесь из... ну понятно. И наверно, только таким рывком, до самого последнего предела, со всеми вместе, и можно было перевалить... постепенное привыкание («ложку за маму»...) всё бы испортило. Почти сбежала — хотя и знала, и решила, и хотела... и любила же, главное, уже тогда. (И почему «уже», сразу позволь себя спросить... может, наоборот, тогда только ещё и любила по-настоящему? До? Как в романах девятнадцатого века изображали «падение»: «никогда они так мало не любили друг друга, как в эту ночь»? «Осспади. Смешно.» — Катиным голосом.)

А были же ночи и потом... не часто, потому что это как праздник, который всегда и работа, придумывание, подготовка. Концерт на выезде. Или даже экзамен — что ничего «у нас» не поломалось, всё в силе у всех. И не минутный фик, а глубокая история нужна, как бы целая жизнь, чтоб на всех на ночь хватило. Вот на прошлое новолуние <...>

7 В ЗЕРКАЛЕ (А.Н.)

Колоссальные архивы профессиональной и любительской порнографии очень слабо учтены в современных антропологических исследованиях; значительная их часть элементарно не каталогизирована и даже не просмотрена. Автоматическая обработка ограничена выяснением самых общих параметров, таких как число и пол участников сцен. Тем не менее даже такие данные (по архивам «эпохи интернета», приблизительно 2000-2030) представляют ценный материал для эволюционного психолога.

Общеизвестно: подкрепляется удовольствием то поведение, которое приводит к репродуктивному успеху. Порнография — жанр, стремящийся максимизировать удовольствие; логично, что в нем изображается непосредственно репродуктивный акт. Но это лишь самое первое приближение.

Эволюция сексуального поведения современного человека происходила по большей части в доисторическом обществе — но, по-видимому, в обществе с уже ненулевым уровнем языка и культуры. Антропология примитивных обществ свидетельствует, что брак как форма воспроизводства почти универсален, и в большинстве культур он либо моногамный, либо сочетает моногамию для всех с полигамией у элит — причем полигамия как институт, вероятно, появляется достаточно поздно и связана с переходом к оседлой жизни и сельскому хозяйству. Можно, таким образом, предположить, что преимущественно моногамный брак был нормой в течение многих десятков тысяч лет — достаточный срок для того, чтобы отпечататься в наших инстинктах.

В традиционном обществе брак — не опция; за исключением явно больных, каждый член племени получает супруга и, тем самым, возможность внести свой генетический вклад в следующее поколение. Отсюда ясно, что подкреплять удовольствием матримониальный секс почти не нужно — законное потомство у тебя будет, хочешь ты того или нет. (Конечно, на качество и уровень выживаемости потомства мотивация родителей влияет, но мы сейчас рассматриваем только сам акт оплодотворения.)

С другой стороны, законного потомства не бывает слишком много: репродуктивная способность женщины ограничена. Мужчина может зачать намного больше детей, чем выносит за всю жизнь его единственная жена. Поэтому экстрамаритальный секс способен резко увеличить репродукцию мужчины — а значит, в процессе эволюции он будет подкреплен удовольствием. С неизбежностью возникает сильная и врожденная мужская мотивация «гулять на стороне».

Но чтобы оставить внебрачное потомство, нужно преодолеть культурные и социальные барьеры, которые опять-таки с неизбежностью вырабатываются в обществе в ответ на мужскую трансгрессию. Гонка вооружений: общество заинтересовано в стабильности и когезии, которые несовместимы с беспорядочным внебрачным сексом; мужчины же стремятся к внебрачному сексу для распространения своих генов. Возникает система сексуальных запретов, половая сегрегация, нормы приличия; у мужчин в ответ растет мотивированность и подкрепление удовольствием внебрачных побед.

Разумеется, все наследуемые свойства подвержены разбросу, особенно те, что возникли относительно недавно (а моногамия у людей — приспособление, по биологическим меркам, молодое). Далеко не все мужчины — маньяки, которые пойдут на преступление ради сексуального разнообразия. Но очень мало и таких, у кого интерес к сексуальным приключениям вне семьи полностью отсутствует.

Врожденная мотивация к внебрачным связям (для увеличения генетического разнообразия потомства) существует и у женщин. Однако порнография до сих пор производится по преимуществу мужчинами и для мужчин. Поэтому вполне естественно, что она изображает не секс вообще, а, чаще всего, внебрачный секс с точки зрения мужчины — высоко мотивированный и подкрепленный генетически обусловленным удовлетворением.

Как и вся остальная культура, порнография — зеркало биологического прошлого нашего вида. Что показывает нам это зеркало?

СЮЖЕТ. Расхожее суждение — «в порно нет сюжета» — представляется, тем не менее, ложным. Сюжет минимален и примитивен, но он есть почти всегда. Даже в самых коротких роликах так или иначе даются ответы на главные вопросы: кто эта женщина и как мужчине удалось ее заполучить. И, само собой, ответ «это его жена» встречается редко. Тем не менее, порно тяготеет к клишированному реализму: большинство роликов изображают секс один на один во вполне правдоподобных обстоятельствах — где «она» может быть уличной знакомой, секретаршей на работе, одноклассницей, медсестрой в больнице, служанкой, проституткой и т.д. Фэнтази как жанр порно существует, но занимает на удивление скромное место.

НАСИЛИЕ в его разнообразных формах — самый действенный способ добиться внебрачного секса. Изнасилования (особенно массовые в войнах), рабство, связывание, избиения, унижения — все это обеспечивало существенный репродуктивный бонус для наших предков, все это срослось с сексом и закрепилось в системе удовольствий мозга, и все это в огромном количестве и разнообразии представлено в порнографии. Насилие может быть и мягким, ситуативным,

основанным на социальном положении (учитель и ученица, босс и секретарша, полицейский и преступник), и чисто словесным (оскорбления, покровительственный тон), — но найти сюжеты, совершенно лишенные мотива принуждения и неравенства, нелегко.

СОСТАВ. В сценах гетеросексуального группового секса с тремя участниками половой баланс близок к природному, с некоторым даже преобладанием женщин (т.е. mff несколько чаще, чем fmm), но по мере роста группы соотношение резко смещается в мужскую сторону: в сценах с шестью и больше участниками сюжетов fm+ уже на порядок больше, чем mf+. Разумеется, статистика зависит от периода, жанра, культуры, но преобладание «gangbang» над «harem» представляется универсальным. И парадоксальным: ведь один мужчина, оплодотворяющий нескольких женщин, достигает несравнимо большего репродуктивного успеха, чем участник группового изнасилования с его ограниченными шансами оплодотворить даже одну.

Объясняется этот парадокс просто: порнография воспроизводит *реальные* ситуации, которые помогали размножаться нашим предкам и потому закрепились в системе вознаграждений мозга. Судя по многим признакам, групповые изнасилования были в традиционных обществах намного более частым явлением, чем гаремы. Групповое изнасилование дает скромный репродуктивный бонус, но его легко осуществить и относительно легко избежать ответственности (вина размазана не только на всех участников, но зачастую и на все племя или сообщество, см. историю Содома). В то же время гарем, тем более в преимущественно моногамном обществе — предприятие затратное, которое могут себе позволить только немногие высокостатусные мужчины. В результате «плохие деньги вытеснили хорошие», и современному потребителю порнографии инстинктивно интереснее секс одной женщины с многими мужчинами, чем наоборот.

НИЗКОРАНГОВОСТЬ. Среди самых частых слов в текстовых описаниях порнороликов — *bad*, *dirty*, *nasty*, *slutty*. Вульгарность, опытность и доступность женщин (тяжелая косметика, характерная мимика проституток) подчеркивается чаще и сильнее, чем нетронутость или невинность; часты сюжеты типа «секс за деньги» или «секс по пьяни». Еще один парадокс: если целью является воспроизводство, зачем тратить силы на тех, кто к воспроизводству явно не склонен — на женщин продажных или настолько низкоранговых, что они доступны всем? Даже когда проститутка становится матерью, вряд ли ее потомство будет иметь хороший шанс выжить.

У этого парадокса такое же простое и нелестное объяснение, как и у предыдущего: «десять старушек — рубль». Шансы получить здоровое потомство от общедоступной женщины невелики, но они не равны нулю. Вероятно, это давало достаточно существенный репродуктивный приварок нашим предкам, в то время как шансы заполучить для внебрачного секса «хороших» женщин были гораздо ниже — их охраняла семья и общественные нормы. Становится понятнее и такой распространенный порносюжет как осквернение, превращение «хорошей» женщины в «плохую», часто в результате группового изнасилования. Именно так оно и работало в традиционном обществе: изнасилование автоматически превращало честную в

гулящую и, следовательно, общедоступную — в репродуктивный ресурс всех мужчин племени. Сюда же, вероятно, следует отнести и внешнюю эякуляцию, которая служит символическим маркером нового статуса — меткой «теперь доступной» женщины.

ЧТО ДАЛЬШЕ? Последние столетия радикально изменили репродуктивное поведение человека. Внебрачный секс стал намного доступнее, связанный с ним социальный риск уменьшился до минимума. В то же время потеряна и большая часть мужского репродуктивного выигрыша от внебрачных связей: контрацепция позволяет женщинам рожать только от тех, кого они выбирают сознательно. Отцовство скрыть невозможно, и дети-на-стороне для мужчины теперь чаще не бонус, а бремя. Конечно, это не значит, что половой отбор остановлен, но критерии его меняются на глазах. Разница в продуктивности между верным семьянином и Казановой не просто уменьшилась — возможно, она уже поменяла знак.

К сожалению, эти изменения вряд ли быстро отразятся на врожденных психологических механизмах, которые заставляют нас производить и потреблять порнографию. Древние и укорененные, механизмы эти могут ослабеть в изменившихся условиях, но только за много десятков или даже сотен поколений. Однако человек всегда находил тот или иной путь в обход ограничений своего тела. Порнография не исчезнет, но она способна измениться, как уже изменилось общество — если мы захотим этого.

8 КАРУСЕЛЬ (КАТЯ)

Порнушка-ночнушка, жуть (смотрели образцы). Брр. Какая невозможная резина, *резинища!* Человекогоды резины. Человековека.

На самом деле снимать надо так! (Это выжимка наших разговоров после, моя только идея про карусель.) Во-первых, само собой, не актёры, а (обобщённо) мы, то есть любящие и хотящие и знающие самое для друг друга лучшее. Радостные. Ебаться надо радостно или ну его на фиг!!! Никаких сценариев и ограничений, думай *только* о том о чём всегда думаешь при этом: чтоб было хорошо. Фильм делает не режиссёр, а *монтаж*: берём записи за много дней, часы и часы, и все кто снимался смотрят себя (только не сразу, я думаю сдвиг на полгода оптимален, чтобы зимой смотреть летнее и наоборот) и вырезают самое-самое радостное, вот и всё.

Режиссёра нет, как и операторов: чужих нельзя, а камера на лбу уродство (и пытается убедить что это ты там, но ведь это враньё, не работает, да и не нужно). Нужно вот что, минимум: на потолке над всеми большой круг, такая карусель, медленно вращается (плюс вверх-вниз по синусоиде?), на ней штук десять — тридцать, сто! — камер на всевозможные зумы и углы, плюс ещё столько же неподвижных вокруг, и сверху и снизу, и все снимают. Длиннофокусные можно приспособить на автослежение, простейший motion tracking или face recognition, чтобы поворачивалось (плавно) где звук или где сильнее всего жизнь бьётся. Но можно и обойтись, чтоб не жужжало нигде, если достаточное разрешение, всё сделать в software, просто вырезать плавающим окном интересное из большого кадра. То есть соединить лучшее из аматёрщины (нет чужих, свобода, все умеют друг друга лучше всех) и из профи съёмок (картинка не скучная, не статичная, самое интересное всегда попадает крупно хотя бы в одну камеру). Свет тоже можно отчасти плавающий с той же карусели.

А когда из всего этого нарезано и смонтировано 1% лучшего, добавить шепчущий voiceover — не фальшивые стоны, а просто каждый вспоминает, что в тот момент чувствовал, представлял, шутки, нежности, да мало ли что хотелось но не сказалось на съёмках, просто рот был занят. Записывать лёжа же! И из записей которые вырезаны

— может, картинка не удалась, а звук там самый что надо, добавить поверх. Даже многослойно, чтоб смотреть много раз, настраиваясь на разные голоса. Вообще звук, кажется, много больше работы возьмёт чем видео, хотя тут как раз опыт есть. *Обязательно* сделаем, Катенька загорелась! Сколько ж красоты зазря пропадает, так дальше нельзя.

Мы кино снимаем, потому что мы тут живём! Ебаться и видеть — это же супер усилитель всего хорошего. Странно даже, что до сих пор не делали. Что в мире никто до такого не додумался, это как раз ожидаемо, но мы-то!

Ещё идея: *метафильм*, но это уже надо целый новый формат делать со скриптингом. Хранить гораздо больше footage чем номинальная длина фильма, и при каждом просмотре выдавать чуть другие ракурсы, чуть другой монтаж, чуть другой звук. Но именно что чуть, общий сюжет остаётся, ты как бы видишь ту же сцену чуть другими глазами. Выбор каждый раз отчасти случайный, но отчасти автоподгонка чтобы в заданные параметры уложиться (длительность, уровень света/тени, тел/предметов), а отчасти по связям между кусками: если этот, то надо тот etc, связи эти выставляет автор при монтаже (а может, и автоматом можно будет что-то отыскивать, типа такое continuity AI, но это уж совсем я завралась. Эх, мне бы ещё времени, чтоб все идеи продвигать.)

9 ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУК И РЕБРО

— ...То есть?

— Ну... Как у вас было... с Машей?... Когда ещё вы... вдвоём...

— А... Да как сказать, одним-то словом? ...Смешно мы жили. Очень... по-разному... Но хорошо. Сейчас лучше, конечно... И многое же было уже тогда — фантазии, игры... разве что ролей на каждого больше приходилось. Разговоры до утра, эксперименты... Ревность была...

— ...Ревность?

— Ну да. Думаешь, живём тут свальной добродетелью, так и не ревнуем никогда? Очень трудно это вытравить... да до конца и не нужно, наверно. Как болезни не надо бы сразу все изничтожать, потому что без болезней людям жалеть друг друга труднее...

— А надо... жалеть?

— Надо, Эль. На это очень многое завязано, без этого... человек неполный. Нынешний, во всяком случае. Лет через сто всё другое будет, ты увидишь... А ревность... конечно, в семье стараемся давить, иначе всё ж развалится моментально. Но то в семье, тут и легче... А так — и к тебе поначалу было, знаешь? Когда мы с тобой ещё...

— Ой...

— Хотя всем же было понятно, без слов — что-то может быть, только если ты согласишься... к нам. Насовсем...

— А если б... я не согласилась?

— Эля. Эля. Вот ты сама — хотела б, чтобы я... бросил и Машу с Катей, и всю нашу тут жизнь... Кому от этого было бы лучше?

— ...Не знаю... но значит...

— Эля! Переключись на стандартную моногамию на минутку. Муж не бросает жену с детьми ради... ну например тебя. Значит ли это, что он тебя не любит?

— Почему не бросает?

— Да миллион причин, самая частая — я же сказал — дети. Он им нужен, они ему. И он любит, но... забивает это, огораживает... строит мостки вокруг. Приспосабливается. Это ведь даже не так трудно сделать, знаешь? Есть техники... Счастливей он не станет от этого, но если б он решил иначе, несчастья бы было... больше. Главное, у большего количества народу...

— А как же... она... ну то есть я?

— Тоже несчастье. Тоже перетерпеть. Тоже есть техники... Но это если другого выхода нет... а у нас-то — есть? Ведь есть?

— ...Да уж.

— Уж да. Давай просто радоваться, что мы сделали себе хорошо и никому плохо. В чём и смысл-то, если не в этом...

— ...Маша жена, а Катя дети... Или наоборот?

Смех.

— Да все мы, знаешь... дети. И у друг друга, и вообще... Первые шаги делаем. Набиваем вот шишки... Спасибо, что ты... пришла к нам...

— ...К вам...

— Ко мне, Элюша... Ко мне. Иди сюда, пожалуйста... Вот так. И скажи-ка мне, знаешь что...

— ...Что?

— Скажи мне: ты.

— ...Очень странное ощущение, никогда не знала, что во мне это есть... ну, как это назвать... что можно одновременно...

— А не надо никак называть. Слова нужны были, когда... привыкали. Человеку же всегда нужно разложить по полочкам, чтобы принять. Придумали — гомо, гетеро... а на самом деле никаких границ нет, ни у кого, всё смутно, всё вперемешку, всё ситуативно... Да ведь? Любовь первична, бессловесна... всё остальное к ней приспосабливается, из неё растёт...

— Ага... Человек — это я...

— М-м?

— Ну, человек, которому по полочкам нужно — это точно я... Мне всегда нужно... хотя, кажется, я понимаю уже чуть-чуть...

— О-о... не чуть. Ты всё понимаешь лучше всех. Элли, родная душа, ты очень... умная, добрая, наблюдательная — это всё, но не только... Я думаю, ты будешь наша главная опора со временем. Хранительница традиций и примирительница непониманий...

— ...Я?

— Ага. Я так думаю. Элинька, Эля... да?...

Шорох.

Дыхание.

— А ляжемте-ка, барышня… чего даром стоять…

— …Живущий несравним. И, знаешь… всё-таки было, да, по-другому у нас-то с Машей. Не потому что вдвоём, а просто же мы ничего не знали тогда ещё. И не знали, что мы не знаем, и так далее… В общем-то самая обычная пара были, поначалу… Тоже вот спрашивали чего нельзя…

— Прости пожалуйста… И… что дальше было? Как вы…

— Постепенно. Очень медленно. Гораздо медленнее, чем надо бы… Не было какого-то внезапного прозрения, мелочи копились… Я писал, писание очень помогает… Сначала же вообще как щенята были, тыкались вслепую, ничего сказать не могли, даже когда понимали. В постели всё молча… Я особенно — долго и мучительно учился говорить нежности… и не стыдиться. Потом — и ещё намного труднее — говорить нежности так, чтоб не стыдиться, даже когда запись… то есть не глупые нежности…

— А… потом?

— Потом… А потом появилась Катя, в один прекрасный день…

— …И всё заверте?

— То есть очень буквально, м-м-м…

— А как… Ну то есть я в общих чертах знаю, но…

— А знаешь, я тоже…

— Что?

— В общих, самых общих… Это был вихрь, можешь себе представить? По записям, конечно, можно что-то восстановить… да и надо бы, мы собирались, вот не собрались пока. Но ощущение помнится — вот именно вихрь, ничего не видать, почвы нигде никакой. Весело и страшно. Вообще как легенда всё, теперь уже… хотя ну сколько там времени-то прошло… Год за пять у нас тут…

Пауза.

— Чудом проскочили, кажется. Если и делали что правильно, инстинктивно, так это что ничего особенно не делали. Больше всего боялись ранить… и всё равно же ранили… но как-то и выплыли, в конце-то концов. Выбарахтались. Помогло, что в какой-то момент Маша взяла всё на себя… Понимаешь, да?

— К-кажется…

— Просто, как же ни крути, тут… не симметрия. Половые стратегии разные, это крепко сидит ещё… Мне нельзя было. И даже повезло, что сначала-то Катенька больше на Машу запала, чем…

— Ой… Правда?…

— Ну да… На нашу Машу все западают, знаешь… Катя тебе не рассказывала?

— Н-нет… Мы тогда с ней… не общались почти…

— Ну так пусть расскажет… Как я за… уже-женой ухаживал. Не слишком-то успешно поначалу… И Машу тоже, чтоб полная картина…

— …Ага… только…

— Что?
— Я вот думаю теперь...
Пауза.
— (тихо) Я-то ведь... к тебе пришла, а не...
Смех.
— Элли, хорошая моя... Сейчас мы с этим как-нибудь справимся, да? Совладаем...
Смех.
— Теперь и мы другие, всё-таки... повзрослели...
— ...Да и я не Катя... да?... Ой, прости...
— ...Ничего... Так тоже... нельзя, но ничего, ничего... Научимся. Ты Элли, и я тебя люблю... Давай делать хорошую минуту?

— ...Эльф?...
— Угу... Только, умоляю, не из фильмов, не из книг. Эльф как понятие... Он ведь что сделал-то — JRRT? Чем в миллионный раз изобличать человеческую натуру, просто сел и написал... даже не идеал, а всего лишь — убрал что мешало. Вообще не заметил. Назвал «эльф» — что уже было уступкой... но неважно. Главное вот это спокойное незамечание, высшая победа над злом: не отрицание, не триумф, а просто — что, о чём вы? этого нет, не бывает... И вот ты... понимаешь меня?
— ...Не... Не очень...
— Ты... мой эльф, мой... ответ на вопросы, которые я... не знал что есть. Не умел задать, и не умею... Seulement pour t'adorer je vis...
— ...То есть ты меня сочинил?
— ...Не-е-ет... Такое, Эль, не сочинишь... Это гениальная догадка. Всё, всё, от пяточек до затылка, а уж здесь... просто... светится... И никакого тебе отбора... всё дано, всё сразу... одномоментно...
— М-м... Ох... При чём тут...
— ...Ну, есть теория... что у людей тут осталось некрасиво, потому что было спрятано, набедренные повязки, и отбор половой не работал. Что, в общем, правдоподобно, беда только с исходной посылкой: ну вот кто, кто выдумал, что здесь некрасиво?!... И где — здесь... Разве что... так там уж и не глазами же надо... да?...
Нарастающие стоны.
— Извини... я разболтался...
— Ой... Ох... Не так сильно... Нет, нет, совсем не убирай, просто... чуть-чуть так... ниже... ага...
— ...Эля... а ты себе делаешь?
— ...Ну... Ох... Раньше нет, очень редко, а здесь... иногда... будто ещё мало... совсем уже, да?...
— Как это чудесно, Элинька... Говори ещё... у тебя такой голос...
— ...Да ну... тебя... ох... Ещ... глубже, глу... да-а... ы-ох... ым-м-м... ай-а-а-фф...

Задыхающееся мычание.

Крик.

Что-то падает с металлическим звоном.

Тяжёлое дыхание.

— ...Ой мамочки. Ой ма...

— ...Эля, Элинька... Вот же ты какая...

— ...Ох... Ох. Я что-то своротила, да?

— Элли-моя-Элли... снесла меня с постели...

— ...а ты... как... больше всего?... Вот как сейчас?...

— ...Ну конечно, Элинька, это ж самое... трогательное... Миссионеры-то, они понимали в любви... Остальное — позы, а это вот... сама любовь и есть... всем телом...

Мерные удары.

— А... так... да?...

— Ох... да, да, да... мальчики да девочки... свечечки да вербочки... я ж сейчас... ох. Тебе-то не слишком... глубоко?

— ...Н-нет... хорошо...

— ...А теперь за шею... и крепко-крепко...

Удары.

Срывающийся шёпот.

— Да, Эля... Да... И вот так... И вот так... Ножки выше... И вот...

— ...А... губы...

— Ещё, ещё... сильнее... Губы, да... чтоб тебя... лучше видеть...

Рёв.

— ...семь...

— ...Что семь?...

— (шёпот) Ну... Я, знаешь... вдруг подумала... тут, тут и тут, и ещё... ты же любишь так... и вот бы семеро, да?... ну, тебе, чтобы... одновременно...

Фырк.

— ...Одна же я не могу всё сразу, даже и... втроём, просто физически...

Нарастающий смех.

— Элинька, да ты... ну с ума сошла. Семеро по лавкам!... Это ж... и сейчас-то уже тесно бывает... Семь! Одних рук... четырнадцать штук. И ребро...

Хохот.

Постепенно затихает.

— Эль, ну прости, я зря так... Мне никто так не говорил никогда, ну и... очень ты считать любишь...

Дрожащий вздох.

— И немножко… субмиссивная, кажется, да?… Понимаешь?… У нас ещё не было… Но это и… будем учиться… правда ж? Чтоб тебе было… как *ты*, не как я. Да?… А то у нас у всех тут… свои погремушки. Ты нас, может, и не знаешь ещё… Главное — понимать. …Ну что ты?

— …Ничего… Просто… Я… Мы же не рабы. А я… вот видишь, какая…

— Подожди, ты…

— Вот ничего не могу поделать… представляю. Понимаешь?

— …Да… Да, понимаю. Но ведь…

— Я хочу… (глухой шёпот) служить… Ты такой… хороший, пожалуйста, прости меня… не уходи…

— Да куда я… ты что. Я с тобой… Чего ты перепугалась? Я никогда… Ничего же страшного. Я наравне с другими…

Всхлипы.

— Элинька… милая… Не плачь, не плачь, зачем нам семь, мы… ты одна мне…

Всхлипы.

— Эля, Эля… Если бы нас было сто… А давай, вот знаешь что… Давай я попробую тебе объяснить, как сам понимаю… можно?

Шмыганье носом.

Вздох.

— И как я понимаю то, что ты понимаешь… Мы ведь очень с тобой похожи…

— (шёпот) Одной крови…

— Ага…

Пауза. Шум дождя за окном.

— Ну так вот. …У гурий в мусульманском раю — прозрачная кожа. Всё видно насквозь. Представила? Жутко, да?… То есть полная сверху донизу прозрачность, просвеченность, однородность — это невозможно, мы… биологические существа. Прозрачность не то что не идеал, это умственная лень, упрощение… Для жизни всегда есть и должны быть перегородки, непрозрачности, противоречия. Туман нужен. Мы многослойные, многоэтажные, и это нормально, что этажи очень разные, даже вроде бы несовместимые…

Пауза.

— Большое растёт из глубины, из… физиологически важных для нас вещей, да? Которые в тебе происходят как бы сами. Причём порождения нижних этажей — сами по себе — живучи, но нежизнеспособны… такой парадокс. Им нужно подняться, всплыть, пройти через весь стек, чтобы получилось что-то… настоящее. Это называется творчество… Верхние без нижних слабы, скучны… не совсем бесплодны, но близко. Нижние — наглы и уродливы, примитивны. Их надо отбирать, причёсывать, кого-то кверху головой переворачивать… кого и вовсе на порог не пускать… но не нужно их стыдиться. Нужно знать и управлять…

— Пользоваться?…

— Да… в каком-то смысле. Силу их брать. Но относиться к ним, как… к непутёвым родственникам. Слушать их излияния, фильтровать ценное… но и воспитывать их,

облагораживать, отучать от совсем уж свинства. Это работает. А любовь — так это же и значит, что ты принимаешь другого в... семью. Пускаешь внутрь... не только на верхний этаж. Глубже. Но никто не обязан пускать до самого дна, понимаешь? Его, может, и нет, этого дна... или ты сама там никогда не бывала. И уж во всяком случае — ты за него не отвечаешь... Хотя вот Лем «Солярис» написал — что нетушки, мол, ещё как отвечаем мы за своё дно, вот бы нас в него ещё потыкать... а Океан потом отхлестать, в отместку, жёстким излучением... такой вот гуманист...

Вздох.

— Странно... Я в детстве читала — думала, про любовь такая книжка... с самопожертвованием...

— О чём и речь! Конечно, любовь и садизм, их разделить очень трудно бывает... некоторым. Оба из глубин. Ум помогает, но и ум можно совратить... к старости особенно, последний роман того же Лема см. А вообще-то проблема дна упирается в проблему «я»: где оно кончается и где начинается не-я, и ответ — легко догадаться, как всё в человеке — что чёткой границы нет, и быть не может... И, знаешь...

Пауза.

— Спасибо тебе, что ты меня... в себя пускаешь. Нас...

— Ах...

— Ага... серьёзно... Оно уже от одного этого не такое... страшное будет, правда? А то ведь и собственное тело может до смерти напугать, без кожи-то. С непривычки. То же и душа, аналогия очень глубокая здесь... То и другое надо знать, уметь, помогать... лечить... И вот фики наши, всевозможные сочинения — это же и есть: мы все глубоко друг в друге сидим, стимулируем... как бы такая взаимная перистальтика. Помогаем нащупать. Из самых нижних, самых безусловных — как рефлекс — фантазий, постепенно поднимаются, всплывают... обрастают кожей, одеждой... проходят уровни стыдности: сначала для себя, потом для двоих... Но и самый всплывший, совсем уже головной... *приличный* текст помнит, откуда он изошёл. Корни глубокие, через эти корни он достаёт до самого нерва. И вот мы читаем — друг друга и друг другу — это очень, очень... нужно нам...

— ...Нервы щекотать?

— Любить, Эля. Это мы так... любим, учим себя, помогаем любить... Просто вот так это у нас выглядит... раз уж мы такие подобрались...

— Какие?

— ...word people. Да?

— ...Хм... Но разве... То есть в чём тогда ценность-то? Всех этих сочинений? Я имею в виду, не для нас только... Или это как сны? Самому интересно поначалу, а в пересказе скука, ни о чём?...

— Ну это смотря какой сон... и как пересказать. Но, да, многое у нас... для внутреннего потребления. Кажется, ух — а попробуй-ка... составь сборник. Да мы и пытались... Даже совсем уже всплывшее, в стратосферу, не всегда... общепонятно, а уж всё что ниже — вообще никак, если без контекста. Без *нас*... Или надо тогда давать и весь контекст, а это... совсем другой жанр. Может, и не придуманный ещё...

10 БАЦ (МАША)

жила одна девочка, которая очень любила ебаться с одним мальчиком. вот раз приходит она к нему в постель, а он спит. она к нему и так и этак и по-всякому, а он все не просыпается. ну тогда она тоже заснула рядом и попала в его сон. и там они наконец поебались.

жила одна девочка, которая очень любила целовать одного мальчика в ухо, и в угол глаза, и в шею сзади под волосами, и в перинеум за скротумом, и в подушечки пальцев. ну и ебаться тоже, конечно.

жила одна девочка, которая встретила одного мальчика. и они стали ебаться.

жила одна девочка, которая очень любила ебаться с одним мальчиком. вот раз ебались они, а тут пришли другие девочки и давай им помогать. и потом мальчик стал ебаться с ними, а одна девочка теперь уже им помогала. устала до хихиков.

жил один мальчик, с которым любили ебаться девочки, но это можно было только когда все улыбаются. а если кто не улыбается, то сначала надо было с ней поебаться, чтоб заулыбалась. и одна девочка, которая и так всегда улыбалась, все ждала и ждала своей очереди. но продолжала улыбаться.

жила одна девочка, которая очень красиво оделась, чтобы поебаться с одним мальчиком. а он ее бац и сразу всю раздел. но они поебались.

жил один мальчик, который ебался сразу с несколькими девочками. а чтоб не путаться, он им давал имена, но всегда разные, и в конце концов запутался. пришлось девочкам с ним по отдельности поебаться, чтоб распутаться.

жила одна девочка, которая сначала не знала, что главное в жизни, а потом узнала: ебаться.

жила одна девочка, которая очень любила смотреть когда ебутся, и помогать. особенно когда один мальчик. особенно когда с ней.

жила одна девочка, которая раз ебалась с другой девочкой, и им было хорошо, потому что потом пришел один мальчик.

жил один мальчик, которого ждало прекрасное будущее. но он сказал будущему, что у него еще девочка не ёбана, и остался в настоящем: *the power of now*.

жила одна девочка, и еще одна девочка, и еще одна девочка. и жил один мальчик.

жила одна девочка, которая очень любила ебаться

жила одна девочка, которая очень любила

11 НАФИГ ТАНАТОС (КАТЯ)

ИДЕЯ: секс как танец (это я всё думаю как мы станем снимать себя, всем уже неймётся, кстати). Ведь секс, «объективно», *некрасив*: торкает по мозгам очень, но выборочно, эстетический мозг задействован вначале, но чем ближе к концу, тем меньше, там уж не до него. Понятно почему биологически: когда наживка схвачена, приманка уже не нужна. Но мы-то так не можем! Ёлки-палки, столько уже наломали стен-границ-барьеров в мозгах, растянули писаную торбу свою, эстетику (да и этику тож) на все что можно и нельзя, неужели тут первый облом? Нет, понятно, что если настанет культура сколько-нибудь публичной любви, и если она будет *давать* соц статус (а не рушить его, как до сих пор порнография), то за каких-нибудь *n* тысяч лет (даже тысяч ли? посмотреть) половой отбор наведёт марафет: гениталии станут красивы, узнаваемы как лица, секс — как танец. Но нам-то, нам что делать, доисторическим волосатым дикарям? ждать милостей от природы, облизываться на человечества сон золотой? Нееет, вы там себе как хотите, а я начинаю копать прямо сейчас. В любом случае это не на одну жизнь проект, но хоть застолбить участок. Мы ведь уже и начали, в более как бы общем смысле, а я стану работать по картинке, по визуальности. «Зря я что ли художку кончала.»

Подробно распишу потом, сейчас конспект, главные пункты: секс *неритмичен* (хотя казалось бы), явно другая совсем часть мозга управляет телом на нижнем уровне, чем в танце; эстетика вроде бы требует минимального телесного контакта (см. эстетскую так называемую порнушку: ноль обнимов-прижиманий, в чём она кстати сходится с садомазо), а любовь максимального, *главное* же вообще ниоткуда *не видно!* как это разрулить пока неясно; ну и конечно внешний вид того что скрыто — волосы, дисколорация etc, хотя это наверно самое простое, косметология всё-таки добилась кой-чего. В общем, ясно, что копать придётся с обеих сторон, и движения и тело менять, но и мозги тоже приучать, мять-лепить. Вырабатывать эстетику.

И кому же ещё как не нам здесь. Хотя с другой стороны, именно нам будет и труднее: мы-то свои мозги уж как только не лепили, давно вошли во вкус друг на друга глядеть, да и любовь всё красит нежным цветом (например у меня, оговорюсь на

всякий случай). Очень трудно увидеть это всё *ненашими* глазами. Но если цель революция (а иначе зачем!), то надо искать, пробовать, вырабатывать универсальность (тьфу, сальное слово), как любое искусство. (Хотя универсально ли оно вообще-то, вопрос.) А не просто чтоб преодолеть оставшиеся табу и «легитимизировать порн», вот ещё, этим без нас есть кому заняться.

Или, например: мужчина должен научиться свободно и красиво двигаться с эрекцией. Сейчас это, если честно, жалкое зрелище. Как-то обезьянит сразу, горбатит, будто пенис это то что *носят*, причём редко и непривычно: страшно задеть, скорей-скорей засунуть, обезвредить. Нужно: твёрже, вертикальнее, пусть и размер меньше (ага, вот облом-то, шучу), а главное: это должно быть как лицо, как флаг, гордо и с сознанием красоты. Не как ноша и неудобство, но и не как что-то неважное и незамечаемое: эрекция должна менять всю повадку, но не в хищность, а в *гордость!* в пламенеющую гордость, дар, улыбку.

Потом — вот как быть с тем, что главных мест на теле два (второе — лицо, понятно) и на таком расстоянии, переезды между ними занимают кучу времени и неуклюжей логистики, особенно когда участников больше двух. («Участников», ёлки, ну как можно так писать! *А как?!*). Или ещё вечная проблема — заправить, к сожалению наши органы незрячи и сами друг в друга не ныряют, разве что в одной определённой позе, а хочется-то всегда и по-разному. И т.д. со всеми остановками. Просто руки опускаются. А с другой стороны — мы ведь здесь тьму подобного рода проблем научились-таки решать, опытом, тыком, многое теперь делаем быстро и не без изящества, притёрлись, *чувствуем*. Но красива ли эта притёртость? Быстрота привычности равна ли быстроте танца и искусства? Не знаю, ничего ещё не знаю. Но когда смотришь как двое лежат, тесно, сладко, умело, жарко, *ебутся* — да, да! ну вот надо это миру, надо видеть и понимать, надо позарез. Мир, лови. Чего молчишь, поймал что ли.

Эй, а не поломаю ли я всё тут своими затеями?! Прощай свобода, все начнут зажиматься, вспоминать как надо, бояться что опять сделал некрасиво... с меня станется. Хорошо, заранее сообразила (пока пишешь, всё обдумывается). Что надо: *никаких* поучений и окриков, только пример, показ, пересмотр лучшего. Может, ещё упражнения специальные для каждого, но это уже близко к поучениям. Вообще двигаться только эволюционно (а иначе и невозможно ничего ценного сделать, только маленькими шажками). Бесчисленные пробы и отбор, отбор до посинения. Снимать вообще круглосуточно, карусель в спальне always-on; посмотреть как можно снимать в темноте и какой есть софт, чтоб вырезать пустые куски (это просто) и неинтересное (по каким параметрам?). О, и настоящие *танцы* тоже нужны, конечно, чтоб выучиться наконец телом владеть. Маша пусть уроки даёт. И пения заодно — нельзя фальшивить, как нельзя плохо пахнуть. Я! из нас! сделаю людей!!! Ха. Не зарываться, не зарываться.

(И *пожалуйста* на Эллиньку не давить, особенно. Дайте ребёнку привыкнуть немного, что вы в самом деле, налетели все.)

А самое, конечно, трудное — в конце. Оргазм! Обожаю наши рыки и крики, прекрасно искажённые лица, конвульсии, удары со всей дури уже, не разбирая куда. Не видев человека таким, его и не полюбишь по-настоящему. Но здесь-то это даже не похожесть и не эволюционная конвергенция, а *буквально* те же самые механизмы в мозгу, в мимике, в теле, что и при страшной боли, при мучительстве. Другой только знак, полярность. И ничего нельзя пригладить и облагородить, никак, и не нужно, это прекрасно, этого я никому не отдам. *Хочу* кричать и плакать, и заставлять их. И потому альтернативы нет: извини-подвинься, но мы будем медленно и трудно перетягивать *восприятие* этого. Не отказываться от бурности и слёз, вот ещё, а просто *забывать*, что так же бурно бывает и когда больно. *Забывать, что бывает больно.* Да, фантастика, но это единственная дорога, я уверена, и лучшая. Как улыбка развилась из угрожающего оскала — а сам оскал *исчез.* Не просто разорвать связь между «эросом и танатосом», как мы вот разорвали же, а нафиг, нафиг этот ваш танатос целиком! Телесное страдание не должно существовать *вообще*, ни одна же душа им не просветлилась никогда.

12 НА НОСУ БЕССМЕРТИЕ (ЭЛЛИ)

<…> эвопси нашего домостроя, всю ночь и полдня сегодня. Разумеется, вперемешку с сексом. Трахаться и лекции читать, как иначе в этом сумасшедшем доме. Вдох-выдох: типа говорим-говорим, тянем сколько хватит сил, киваем, умные вопросы задаём, надуваемся пониманием… и лопаемся, в конце концов, не выдерживаем, бросаемся, потому что ну невозможно же. Раз шесть? Но это ладно, счётчики пусть Катя изобретает, а вот из лекций-то что удержалось в памяти, надо записать. Даже не запомнить, а обдумать, да и поспорить с кое-чем. Когда с ним, я же и до сих пор… какое там спорить…

И какие же глупости я тут писала (перечитав). Я его *люблю*, хватит расковыривать. Вообще хватит истерик, ну сколько можно! Вчера ведь с чего началось: всего-то чуть больше суток у меня ни с кем не было, сидела у себя, «одна». И не то чтобы запершись сидела, всё как обычно, мало ли дел, ходила, говорила со всеми, улыбалась даже, кажется. Но «одна». А он… взял и пришёл. Ровно когда я уже завыть была готова. Заорать на весь дом, тыча в этот несчастный знак, уже и вышла даже… Но он успел. Догадался. «Дошло»! Как мы там не покатились вдвоём по лестнице, не знаю уж, тут у меня провал как обычно.

Трахались и ревели и хохотали как сумасшедшие оба, а он всё извинялся, что не почувствовал раньше, не пришёл, не написал… Что просто мы все не привыкли ещё, не бегло друг друга читаем, не сразу понимаем без слов, но что я чудесно быстро учусь, и всех их ещё учить буду. Я, конечно, за своё: а нужно ли, а зачем, а не пора ли мне вообще-то… о, как он всполошился… хотя со мной, в таком состоянии, только и спорить. Но втянулись. Очередной Главный Разговор слэш обзорная лекция про любовь и приспособляемость («особенно к хорошему»).

Помнятся, конечно, обрывки — но запись смотреть не стану, принципиально. Только по памяти. Ведь я почему перед этим на сутки заперлась… читала, листала, в ужас приходила — записи мои со всеми… Тут так устроено в доме, пишется, как я понимаю, всё подряд, везде, но читать ты можешь только те куски, на которых есть ты, и чуть-чуть вокруг. Накопилась огромная стопка, оказывается. С ума сойти,

сколько мы болтаем... может, в этом и секрет, а не в сексе вовсе? (У кого я читала воспоминания, как в конце прошлого века улицы заполонили люди, бормочущие глупости в сотовые телефоны? Типа, пока молчали, можно было тешиться иллюзией, что они всё-таки нормальные в большинстве.) Это во-первых, а в нулевых и в главных: ох, какая же я дура, квакша и заика. Свои вяки перечитывать, да чтоб я ещё хоть раз в жизни... Но об этом потом!

Одно время они делали так: после важного разговора, если придумал сказать лучше, назавтра заводишь всё то же самое заново, идёшь по записи до нужного места — и оттуда форк, новое своё (даже жест был особый для форка). Один спор о Розанове(?) так и шёл по очереди, как шахматы, читать странно: отвечают не столько на то, что слышат, сколько на всё, что было сказано на этом месте раньше, с вариациями. Но потом стали делать проще — править записи, перечитывать и править: за себя можно сразу, за другого если тот разрешил. («Правь меня» — это у нас тоже секс такой, а что.) Он, оказывается, отсюда брал и для своего (перечитать!): были разговоры, споры, семейные импровизации, потом правка, вылёживание... и потом оно вдруг где-то всплывает в опубликованном.

(Ещё польза от записей: словечки, фразочки, цитатки не цепляются надолго, не вязнут, не осточертевают, вообще не повторяются больше раза. Уже ведь записано, зачем? И если кто недослышал, не оценил, то и ничего: записано, прочтёт.)

Опять отвлекаюсь... В общем, как я и догадывалась, секрет этого места (drumroll) в том, что никакого секрета нет. Не было даже приблизительно какой-то одной теории, чтоб по ней всё строилось. Было только ощущение, совсем не оригинальное — что the future is now, что «надо что-то делать», надо заново учиться людям жить вместе, чуть не с нуля, потому что воспроизводство и хозяйство уже не работают как клей для семьи. Если наш тут эксперимент удачен, то это именно удача, счастливый случай по преимуществу (это А. говорит, хотя, я думаю, он прибедняется). Так выпало, такие люди нашлись, и место, и время. «Удачно влюбились. И ещё раз. И ещё. Бывает.»

(По-моему, книги А. — самый важный первый фильтр, который мы все прошли. Включая его самого: никто же не знает, какие в нём книги есть, пока их не напишет.)

Насчёт секса я тоже более или менее угадала (сюрпрайз). Ключ ко многим дверям, который А. и М. нащупали, ещё вдвоём когда жили. И пришлось же его *открывать* — после всех-то революций и эмансипаций: перебирать, придумывать, элементарно тренироваться... чужое отсеивать, своё искать. Многое оказалось просто неинтересно, ненужно, глупо... отпало, не затронуло, не прижилось. Но про многое и с самого начала было понятно: давить, цензура! Там же ой как не сплошь цветочки. Не всё даже проговаривать можно, что чувствуешь, нельзя «открывать все шлюзы». Даже литература тут скорее в минус, причём не только попса: в этом смысле невелика разница между самой убогой порнографией и каким-нибудь Набоковым или, прости господи, Достоевским. В чём другом, а в *этом* все писатели устроены одинаково. (А кто *не так* устроен — те или не писали, или уж *этого* старались не касаться. Как я их понимаю!)

Секс эволюционно связан с насилием и доминированием, то есть *страданием*, всё это в мозгу срослось очень крепко, переплелось местами до неразличимости. У нас эта связь ослаблена — такие вот мы тут самоподобрались, четыре мутанта и кот, — но совсем-то её порвать невозможно. Минное поле. Рудименты вылезают, надо отлавливать и активно давить. «Разгребать конюшни» это называется: конь прекрасное и благородное животное, но какает не думая. Мы должны научиться думать. (А уж я-то! Знаю, знаю, с чего мне начинать, потом напишу.) Спасает только, что мы сами друг друга отобрали, воспитали, и живём относительно замкнуто. Так что и новичков нам судьба принимать: мы ведь убежище, без нас им таким деваться некуда, погибнут (это только отчасти невсерьёз).

(Тут естественное возражение: если мы мутанты, то что проку от наших открытий для *the rest of us* — для немутантов среднестатистических, которые до сих пор с куда более неаппетитными бесами сражаются? На это: что ж нам, не летать в космос, если на земле ещё не все накормлены? Ну нет, наоборот: вот накормятся, и будет им сразу чем заняться, а не бездельничать с набитым пузом. Мы Готовим Рай™, в котором не скучно.)

В эвопси как раз тогда волна изучения всего этого начиналась, они увлеклись, но поняли, что больше проку будет, если экспериментировать на себе. «Модель бонобо», груминг и прочее «учимся у природы» — это ведь только самое начало, идея общая до бесполезности. Правда, мы-то от этой общей идеи пока не так уж далеко ушли, и в огрублённом описании — ладно, опошленном — история вполне банальная: альфа-самец набирает гарем. Чтобы понять, почему всё это небессмысленно и вообще не так, надо призумиться гораздо ближе.

Секс — это такой фундаментальный win-win, если им правильно пользоваться. Практически неисчерпаемый источник хорошести. «Любовь побеждает страх» (подавляется amygdala в мозгу), и даже собственничество и ревность, как ни парадоксально. Получается, именно любовь (телесная ли, нетелесная, на каком-то уровне грань стирается) и сделала возможным переход от двух к трём — хотя рационально было, конечно, намного тяжелее решиться, даже просто осознать как вариант. Главная конюшня на разгребать была, понятно, у А.: именно что ему этого *хочется*, по очевидным биологическим причинам. И вот, как только у них что-то с Катей прояснилось, он отошёл, уехал даже на время... чтобы не принять свой инстинкт осеменить всех за стремление улучшить мир и человечество. («Тогда и понял, что в конечном итоге это всё-таки одно и то же и есть.») Маша с Катей устраивали всё сами, долго, но в конце концов устроили. «Сочинили». И ввели его как бы обратно... в семью.

И Катя не просто добавилась, она очень много нового принесла, «с неё всё началось по-настоящему». Вещная дружественность, удобство, материальная sustainability здешняя — это же всё Катино по большей части, она невероятно много умеет и успевает. Я об этом уже писала, но поразительно всё-таки.

Про гендер. Женская психика гибче, материнский инстинкт, соперничество менее завязано на агрессию, в среднем у девочек всё вербализованнее и потому

управляемее без загоняния внутрь и ломания через колено. А центральная архитектура (чайник + чашки) устойчивее в том смысле, что меньше тянет делиться на непересекающиеся пары, дольше будет время полураспада (то есть невечность всего этого вполне осознаётся, «играй пока играется»). Мы пионеры, поэтому начинаем с азов, экспериментируем на простом, прежде чем лезть в потенциально трудные конфигурации. МЖЖ — естественный первый шаг после гетеро пары, но «в будущем возможно всё». Интересно.

Кроме секса как такового: тактильный рай, обнимы и поцелуи всегда и везде. Это насаждалось сознательно, как ни смешно. Как и необъявленные, некалендарные праздники и подарки всё время (помимо и сверх «лучший мой подарочек это ты»). Вплоть до того, что всё это нужно считать, до улыбок и взглядов — не чтобы поровну, а чтоб никто не был случайно позабыт-позаброшен. Если ты не улыбаешься, искренне, каждому при встрече — включая своё отражение — это звонок, что-то надо чинить *срочно*. Тренировка чуткости. Естественность. (Мне всё это тоже, и в первую очередь, предстоит... сама понимаю, что хожу вслепую и попадаю наугад, больше потому что мне подставляют правильные места попадать, но долго так не протянешь.) Ещё очень важно учиться не делать больно, потому что в любви самая открытость и ранимость (отсюда и грубость, цинизм, разгул исторически всегда с сексом ассоциировались — такая защита, чтобы самому пролезть, а чужих в себя не пустить). Короче, никаких секретов, но очень много работы: фабрика счастья, ключевое слово «фабрика», все вкалывают круглосуточно и без выходных. «Идём дорогой трудной, Элли.»

Потому же нужна минимальная зрелость: взросление есть напор врождённых программ роста и социализации, и там никак без соперничества, иерархии, насилия. «Повелитель мух»: cute as they are, дети всегда знают, что им надо, и добиваются, бьются именно как мухи о стекло, без устали. Только с какого-то возраста (я «на грани»!) выходят на плато, где могут быть развилки, гибкость и направляемость, минимальное наконец расслабление. То есть да, можно из детей *лепить*, насколько генетика позволяет, но и в самом удачном случае не обойдётся без крови и соплей. Слишком глубоко сидят пружины, слишком жёстко, на которых это всё раскручивается. Hardware dominates software, как при загрузке компьютера. («Детей реально жаль, они даже поебаться не могут» — Маша сказала однажды, я тогда аж подпрыгнула, но сейчас, кажется, понимаю.) Так что для детей надо всё делать совсем по-другому, с самого начала, и можно ли из нас вот таких плавно переехать в семью с детьми — неизвестно. Хотя многое мы ведь из детства и берём: хороший родитель не жалеет ласкать ребёнка, хвалить, улыбаться — инстинктивно, но это из тех инстинктов, у которых мы учимся.

Про мою эйфорию. Отчасти, да, эффект новизны, и эффект прихорашивания перед гостем у остальных, то и другое неизбежно пойдёт вниз со временем. Но никогда не до нуля, ведь и нет там нуля, в человеке всё всегда плывёт, никакого bedrock, никакого даже ядра. Приучишь себя улыбаться, сначала через нехочу, и смотри-ка, действительно подобреешь. А подхлёстывание нас новичком можно и повторять, хм. Что если это такая устойчиво растущая модель семьи — как есть пары, в пятьдесят выглядят на тридцать, а любят на двадцать и трахаются трижды в день,

потому что нечасто, но периодически рожают, раз лет в пять-семь, когда очередной ребёнок в школу идёт, чтобы снова себя ощутить молодожёнами с бебиком.

Но и не беспредельно, конечно. Рано или поздно мы обожжёмся — при всех наших умениях и защитах (и праве вето у каждого), кто-то же неизбежно всё это подточит или отравит изнутри. Или не кто-то, а все мы плавно поиспортимся со временем... не выдержим испытания какого-нибудь злой судьбой, ну или просто машинка счастья между ног сломается. И я думаю, если секс станет в тягость, именно shared intimacy будет первым триггером — рванёт, рук-ног не соберёшь. Но не нужно бояться и всёзрякать, потому что нет такой и задачи — сделать вечно. Как у природы нет задачи создать вечный организм (хотя это возможно), смена поколений движет эволюцию. Будут другие после нас, будут больше знать, учиться на наших ошибках. (Хнык.)

Любовь — лучший скрашиватель и сглаживатель, но это не вещь в себе. Хочется, чтобы она была вещь в себе — что-то внешнее, стихийное, что хватает и тащит, хочется оправдания своему выбору. «Оно само!» Нет, это просто наше внутреннее для нас самих непредсказуемо (и хорошо, что непредсказуемо). И совсем нет — в том смысле, что любовь очень даже поддаётся рулению, регулированию, разжиганию и задавливанию. Правила у нас не зря! Никто тебя не разлюбит внезапно, если ты носки в постель забудешь надеть — даже, может, больше полюбит, потому что правила в головах сложнее, чем то, что в шпаргалке написано. Но можно, можно подточить сколь угодно сильное чувство мелочами, слепотой, недуманием, усталостью, упрямством, торопливостью, ленью. Ленью легче всего. (Chores, too!) «Брак убивает любовь» — так это называлось начиная с эпохи романтизма (собственно, с тех пор, как о любви всерьёз задумались). Только они считали, что убивает доступность, что чувство гаснет, когда его насытили. Ага, вот ещё. Просто же не умели любить. Не умели трахаться, до смешного. Катастрофически ничего не умели... как и мы не умеем, но хоть учимся.

«А на носу бессмертие. Надо успеть его заслужить, пока не поздно.» Не уверена, что до конца понимаю, но фраза хорошая.

Да, *насыщение* реально, чувствительность можно притупить перестимуляцией, но и от недостимуляции она ссыхается. Нездорово переувлечься здесь трудно, природа не даёт совсем уж съехать, но оптимум можно двигать в обе стороны. Самое важное, как и вообще в жизни, чтобы секс оставался чудом при всей доступности: всё время просить, всё время открывать, заслуживать и не верить, что заслужил, удивляться как в первый раз. Вот и фики наши проигрывают все мыслимые варианты начала: нашёл, увидел, встретился, открылся, первый раз то, первый раз сё. И в то же время — не терять навык, наработанность, умение, чтоб не было слепого тыканья до слёз, как у девственников. То есть в идеале нужно, чтобы память *как делать* (и *кому* как, всем же разное надо) оставалась, а память *как чувствовать* сбрасывалась, обновлялась. Чтобы это было чудом открытия каждый раз, в том числе и чудом твоего, удивительного для тебя же, умения и знания как надо. (И ведь так оно и бывает, когда действительно первый раз: да, вслепую, неумело, но всё равно тело будто бы подсказывает, и это

чудо.) Вообще: правильно забывать и разучиваться ничуть не менее важно, чем знать и учиться и помнить, «это, наверно, самое главное открытие у нас».

Люди всегда делают пирамиду, всегда один над другим встаёт, это неизбежно, полное равенство недостижимо и не нужно, выход — делать много разных пирамид из тех же нас, в разных ролях и на разных уровнях, чаще сменять или даже одновременно. Отсюда фики, роли, игры, «пошёл такой творч». Но и здесь есть правила, писаные и неписаные (большей частью — хотя смешно, что-то неписаное у нас, где пишется вообще всё), потому что при всём восторге творчества это тоже опасный инструмент, как и секс, наша подлая натура всё норовит приспособить под биологические нужды. Нельзя мериться, копить, нельзя ревновать к чужому, никаких копирайтов, каждый может продолжить и переделать чьё угодно, и автор должен пытаться хоть что-то в чужой переделке найти, ощутить чужое своим, никогда не отметать. В идеале забыть, что ты был автор. И даже подкладывать своё найденное другому, чтоб тот его нашёл, как бы сам, и обрадовался. (Мне это делали, я теперь понимаю.) Тут, мне кажется, всё равно от неравенства не уйти, потому что где мы и где А., смешно. Хотя...

Ещё. Глубже. Главное, на чём держится семья — sense of security, но одного этого мало: должно быть и чувство, что эта security не бесплатная и не автоматическая, что тебе не всё простят и не за всё погладят (но, конечно, никогда и не выгонят). Значит, должна быть уверенность, что ты сам никогда не сделаешь того, за что тебя станут любить меньше — как у ручного драйвера спокойная уверенность, что он никогда не выедет на встречку, хотя для этого достаточно малейшего движения. Поэтому можно иногда допустить небольшой вжих-вжих с визгом тормозов, чтоб глаза раскрылись и сердце застучало. Но если кто-то действительно срывается и выезжает на встречку — срочно бросаемся передвигать дорожную разметку (или делаем вид, что здесь она тренировочная, не всерьёз), чтобы не было чувства непоправимости и посттравматического синдрома: да, вильнуло, но не смертельно, просто будь внимательнее.

И ещё о security. Любить другого можно по-настоящему, только если любишь и себя — ведь это дар себя другому, как ни скромничай, ты и берёшь, и предлагаешь, а не станешь ведь дарить то, что сам ни во что не ценишь. Поэтому мы все должны стать друг другу зеркалами, но волшебными, приукрашивающими и льстящими, приучать друг друга к тому, что мы хороши, и помогать стать ещё лучше. Всегда смотреть на всех, замечать, как они на тебя смотрят, что им да и что им нет (у меня тут, конечно, опять блок, интроверты же не смотрят выше носков собеседника... заставлять себя, заставлять). Ловить оттенки улыбок, каждую мгновенно поднятую страдальчески бровь, и замечать, когда твою бровь заметили, чтобы сразу дать понять, где именно было фи (но что это же мелочь, а так всё чудесно). Очень важно не сползти в «хороша я и так», «полюбите нас чёрненькими», «чего пристали», «на себя посмотрите». То есть (от себя добавлю) нужно постоянно играть, наша страсть к естественности смыкается (диалектически, хм) с принципиальным притворством, и опять же фики помогают: актёрство как повседневная норма.

И вот тут есть идея. Первый наш шаг — это shared intimacy, «погляделки-помогалки», урок и заповедь, что в нас нет ничего некрасивого телесно. Не «задавить стыд», вот ещё, стыд есть дар, «стыд как клитор», люби его, стимулируй в меру, даже придумывай новый стыд, как новую одежду, чтоб слаще было скидывать. Это всё легко и естественно на самом деле, природа здесь помогает изо всех сил, и я, кажется, на этом уровне уже почти освоилась. Второй шаг — это записи разговоров, то есть речь, то есть, по сути, ум, интеллект, душа, насколько душа может быть записана значками. Это намного, намного труднее, блок здесь у всех, не только у меня, очень трудно полюбить то, что сам говоришь, со всеми спонтанными глупостями и заиканиями, буквально воротит поначалу. Очень трудно не заткнуться навсегда, зная, что всё пишется... вот не поверила бы раньше, но намного труднее, чем трахаться, когда на тебя смотрят. Но можно, и здесь хотя бы всё зависит только от тебя (кроме голоса, который предатель, ну так у нас записи текстовые не случайно). Помогает самому много писать, очень помогает править записи — как минимум даёт силы прочитать, зная, что очень уж ужасное можно будет вычистить. (А самое противное своё, кстати, неплохо и перечитывать... учиться любить себя «даже таким».)

И есть третий шаг. Который мы можем попробовать сделать, если все мы, и *особенно* я, одолеем второй, и хоть немного придём в себя после. Тоже записи, тоже техника, но теперь уже абсолютная full disclosure: полная видеокартинка со звуком, с множества камер, круглосуточно, кроме когда ты один (ну и доступно только тем, кто в кадре, privacy rules те же, что и раньше). Конечно, с автоматической фильтрацией и сжатием, чтобы не тратить на пересмотр полжизни. Мысли смутные были давно, что надо нам на себя повнимательней посмотреть, а тут Катя начала изобретать, как делать «правильный порн»... но уже стало ясно, что это гораздо более общая штука, и гораздо более сильная. Работали над речью, теперь будем работать над собой целиком. Пора, придётся, никак без: по-настоящему сделать и полюбить себя, the whole me, не искажённый самообраз и не фильтрованный, а самую что ни на есть суть. Усилить feedback в разы, пришпорить эволюцию, давление отбора! Тело, лицо, образ, ужимки, ухватки, всё, что копится за жизнь, что наросло — всё это разглядывать, крупно, замедленно, в деталях, всё чистить, всё править, всё приводить в минимально приличный вид. Всем любоваться, чтоб не пропало ни крошки красоты. Станем же совершенны! (Ох, Катя...)

Работы на годы, без малейших гарантий, с хорошим шансом похоронить всю нашу жизнь под обвалом. (И править-то никак, кроме вырезания и перестановки — слово в середине уже не заменишь, это тебе не текст.) До сих пор чем-то похожим только актёры занимались, и в куда скромнее масштабах, и получалось только у великих. Ну придётся нам всем стать великими актёрами, подумаешь.

(А четвёртый шаг — это будет уже просто телепатия, прямой обмен мыслями, слияние душ. Задание для neuroscience: обеспечить, четыре подопытных кролика есть.)

И решать-то мне, как младшей во всех смыслах. То есть если упрусь, ничего и не будет. Ох. Мне бы с собой разобраться для начала <...>

13 ДА, ЭТО ОНА (КАТЯ)

ФИК: fuck for the world. (Довольно смутная идея пока.) Почему секс чудо: потому что подтверждение и оправдание *всего тебя*, со всеми потрохами. Да, это ты, *ты это да*: я тебя нашла, выбрала, хочу тебя продолжить, подарить и принять в дар вечность, спасти от смерти. Ты есть то, каким я хочу чтобы было *будущее*. Отсюда представим, что каждый наш половой выбор не потомство производит, а по-настоящему целый новый мир: и не холодный пустой или только в какой-то микроскопической мелочи с нашим разошедшийся (quantum many-worlds), а настолько новый, большой, хороший насколько нас двоих, взаимно усиленных и переплетённых, хватит. Экстраполируем себя на вечность! Миллионы существ и судеб зависят от того, с кем же ты наконец трахнешься — *и как*. Ответственность, чудо, ритуал. В кого же Парис яблоком кинет.

ИДЕЯ: вот такие *башмачки*, не с помпончиками, а с маленькими ветродуями снизу вверх, незаметными. Чтобы все развевалось, billowing, от юбки до волос, и ногам хорошо, и трусики не потеют в жару. Подойди ко мне, возлюбленный мой, я твоя свежесть (а зимой твоё тепло!), я оазис в пустыне, я возношусь к небесам, солнечный ветер колеблет вершины трав. А когда сердце бьётся чаще (от любви, конечно, от чего ещё ему биться), дуть тоже начинает сильнее, чтоб волосы взлетали и юбка задиралась. Хочу! (Кстати общий принцип, как улучшить любую одёжку: поддеть ярко-белое под низ, или пришить как изнанку, но чтоб сверху чуть видно.)

ФИК: тайные встречи. Мир последнего идеала красоты, через тысячи лет отбора и гениальности, где все немыслимо прекрасны и немыслимо разны, и где *каждому* невозможно не любить *всех* кого видишь и знаешь. Где сильнейшая «наша» любовь потянет максимум на вежливый интерес. Где избирательность в любви уже не работает by force of sheer beauty (что, скорей всего, невозможно, избирательность наоборот только вырастет, но попробуем представить). И конечно же, им нельзя, немыслимо без близости, со всеми кого любишь, то есть *со всеми*, period. Просто умрут без этого, задохнутся. Но — главное! — *никому нельзя знать*, кто когда и с кем и как. Всё должно быть в строжайшей тайне, потому что это *слишком* для них важно. Если узнаешь, что вот сейчас *он с ней* — это перетянет весь мир, накренит, обвалит,

сойдёшь с ума. Или наоборот, нельзя будет не побежать к ним, не броситься, усилив всё взрывообразно, и тем ещё вернее сведя с ума остальных — будет чёрная дыра, big bang любви. Поэтому — тайна, тем более трудная, что они куда чутче нас, видят и понимают неизмеримо больше. Все знают, что у всех со всеми, но смертельно важно не общее, а *частное* — кто с кем вот прямо сейчас, и этого знать нельзя, и они все знают что нельзя, но не хотеть знать не могут. Ходят по краю. Даже случайных фраз типа «он с ней» избегают, привычно, потому что слишком бьёт по мозгам, даже когда речь о совершенно неодушевлённых и несимволических предметах. И чувство вины и тайной сладости у тех кто *смог*, всё-таки смог уединиться, и дичайший, на разрыв башки, неукладывающийся ни во что нестык между «все всех всегда» (и все знают!) и «мы с ним сейчас» — и никто, *никто* не знает... Что-то в этом есть, надо ещё думать.

ФИК, даже метафик: любили с детства, были разлучены бессчётно лет, и всё это время друг друга искали. Но в этом мире нельзя полагаться на узнавание по лицу, лица и тела меняются как одежды, *как облака*, вернуть нельзя и замереть нельзя, и чтобы узнать кого-то (в обоих смыслах!) нужно прожить вместе, дни или годы, но близко, тесно, чтобы наконец уверенно сказать: да. И вот он сходится, расходится, бежит, ищет, мечется, перебирает, влюбляется, иногда сразу в нескольких, живёт с ними или увозит в далёкие страны. Но не знает, что на самом деле он её уже нашёл, *да, это она*, она давно его узнала и ждёт, ну когда же, *когда* он её узнает, а он всё тоскует; она пробует так и этак, пытается быть разной, вспоминает какая она была в детстве, живёт с ним теперь уже в нескольких телах, уходит одной и возвращается другой — а на самом деле это всё она — и он любит её всякой, теперь уже любит, но всё равно мечтает о *той*, и не узнаёт её-их, вжимаясь ночью и восхищённо бегая кругами днём, и боится как бы «они» не ревновали его друг к другу, вот глупый. Эх, грустно вышло.

14 ПОРОСЁНОК И ПЕРЕЦ

— Маш... Можно?...

Скрип двери, шорох.

Молчание.

Глубокий вздох.

— Элли... Здравствуй, Элли. Вот ты какая... Проходи, я всегда рада тебе...

Шаги.

Шорох. Скрип.

Смущённый смешок. Тихое «ой».

— Ничего, ничего, сейчас я... Вот так. Садись. Прости меня... Я знала, что ты придёшь, только не успела... приготовиться.

Быстрые шаги босиком.

— Минутку... проше пани...

Металлический стук. Шум закрываемого окна.

— Спасибо... что пришла ко мне, милая девушка Элли. Позволь... послужить...

Шорох.

Стеклянное звяканье.

— Ты такая красивая... Элли. Можно, я?... на волосы...

Слабый смех.

— ...Вот так... Теперь ты, знаешь?... как улыбка возвращения домой... Ты дома, Элли...

Нерешительный выдох.

Тонкий звон.

Шелест бумаги или ткани.

Ритмичный неразличимый шёпот.

Тихий смех.

— (шёпот) Маша, Маша...

— М-м-м...

— ...Глазищи хитрющи...
— ...Дык...
Смех.
Вздох.
Кашель.
— Маша... А вот что ты сейчас делала, расскажи?...
— ...Делала? Да что... Шью вот... штанишки мужу, чтоб не мёрз он в стужу. А в общем, ничего и не делала. Тебя ждала...
Дрожащий вздох.
— ...Ну что ты, Эль... Ну... Всё же хорошо...
Глухой всхлип, но не без самоиронии.
— Элли, Элли... Знаешь... Одна маленькая девочка сочиняла сказки... о том, как вещи не любили делать то, для чего предназначены: обувь терпеть не могла надеваться, каша — есться, книжки — читаться... Но конец всегда был счастливый: через приключения, через уговоры других вещей... конформных... бунтари смирялись, начинали служить. И даже с любовью. Даже лучше всех... Понимаешь?
— ...Маш, я... не знаю... Мне как-то... тревожно? Сама не знаю почему...
— Ты просто вживаешься... Сначала было странно и... страшно?... но и хорошо — да? ведь было? А теперь ты как бы всмотрелась и видишь, как у нас тут... всё...
— ...Как?
— Как... на коленке сделано? Понимаешь, что я...
— Д-да, но... Не знаю. Может быть... Ну да, наверно... тревога, что всё непрочно так... будто случайно...
— Да, да... Но ведь это потому, что ты пришла, когда уже... что-то есть. И боишься, что... рассыпется. Или даже что ты сама, ненароком... Потому что трудно поверить вообще-то, правда же? Но я-то — я с самого начала, когда ничего ещё... видела, как это... получается. Оно ведь всё само, представляешь? Неостановимо. И тогда, и вот сейчас, с тобой...
— ...Само...
— Андрей тебе расскажет, как мы с ним делали то и другое — не верь. Я уж точно ничего не делала. Просто жила...
— ...А как же...
— Да вот так. Просто жить, казалось бы... Но хорошее копится, прорастает, а плохое — выветривается, вымывается, тоже... само. Не держится. Как вентиляция, или даже... иммунная система... понимаешь? Здоровая семья как здоровый организм, даже и во сне... спишь себе, а оно... чистка, упорядочивание... ладно. Я всё это к тому, что... мне уже давно не страшно. Что бы там ни было потом, вот это всё — что сейчас — у нас будет, *будет быть...* will have been. Не отнять. Часть нас, навеки... и тебя же...
Всхлипывания переходят в рёв.
— Элли, девочка моя... Когда попадаешь первый раз в Neverland, дрожишь и плачешь, так... боишься потерять. Это ещё не любовь — просто инстинкт, держаться, раз уж... повезло. Но когда ты научишься любить свой мир — не сразу, очень не сразу,

не торопись, многие вообще никогда, хотя уверены, что любят — то страх уйдёт: это уже будет в тебе. Ты уже... будешь уметь любить. И сможешь полюбить и другое, понимаешь? Куда бы тебя ни забросило. Насколько б там ни было хуже, или лучше... В тебе затеплилось, теперь огонь можно кормить чем угодно...

— (шмыгая носом) А если не куда, а... *кто*? Кормить огонь... кем угодно, что ли?

— Ну-у... Перевлюбиться можно, это правда. Не в кого угодно, но можно. Труднее, конечно, и больнее... Но тут совсем уже другое. Тут надо не только о себе думать, да ведь? То есть перевлюбиться можно, но нельзя, потому что это не одной тебя уже касается. Это становится твой выбор, а не просто что тебе... выпало.

— Прям-таки выбор... Вот выбрал себе, и...

— Знаешь, полюбить — это... примерно как выучить новый язык. Не намного сложнее... и не легче, конечно. Но реально, и способ тот же самый: родиться и прожить детство, новое детство, с этим языком, с этим человеком. Стать опять ребёнком...

— Угу... То есть всё забыть... всё заново?

— А разве плохо? Забывание — добрая сила, полюби её... Ты никогда не забудешь до конца то, что по-настоящему тебе важно. Только лишнее. А нужное — вспомнишь, в самый нужный момент и вспомнишь, и тем больше обрадуешься. По-новому увидишь... будто проснувшись, да? И кстати — чем больше языков знаешь, тем легче же новые учить. Хотя... язык-то можно любой, а человека всё-таки нет, тут... химия... бывает с первого взгляда отторжение, не судьба. Но нам, кажется, повезло... И ещё: язык задан, не меняется... ну почти... а люди-то очень, и себя и друг друга...

— ...Ох, Маш... Ох. Просто... Страшно мне, страшно и...

Всхлип.

— ...А знаешь, что надо делать, когда страшно?... (громкий шёпот) Танцевать!

Смех сквозь всхлипывания.

— Я думала, ты скажешь...

Шёпот. Смех.

— А ты хочешь?... Ах ты же хочешь, милая девушка Элли, прости меня, ну конечно...

Смех. Всхлипы.

— Как же я не... Потанцевать всегда успеем, ага?... А то я всё про сон... болтаю тут, а девочке же надо спа-а-ать...

Шорохи. Расслабленный выдох.

— Давай-ко... ложись, вот я тебе... колыбельную спою...

Вздох. Всхлип.

Шорохи постели.

— Шли мы долго... ох да по дороге... Ох да устали... наши ноженьки, ох ноги...

Вздох. Шевеление.

— Маш... подожди... Я просто... посмотрю ещё на тебя, вблизи... можно?

Дыхание. Тихий смех.

— А хочешь?...

Детски-жалобное мычание.
Шорох. Рывок. Что-то мягкое падает на пол.
Шумное дыхание.
Судорожный счастливый смех.
— Ой... Маш... Ты правда мне... да?
— ...(глухо) Дык...
Жалобный стон.
— Ох... нет, нет, не так, а... ага...
Стон.
Срывающееся дыхание.
— Маша... Маша, Маша, Маша... Вот так тебе, вот...
Дыхание поднимается. Крик. Мгновение стиснутой тишины.
Глубокий полувыдох, полустон.
Постепенно слабеющие всхлипывания.
Медленный вздох.
Тишина.
— ...Маш... Ма-аша... Ты — Маша... странно как, да?... А у тебя висит — «одни»?
— ...А-а... да?...
Заглушённый смех.
— Ты не забыла, у нас же сегодня...
— Да... я помню... но до ночи ведь ещё...
— Время быстро летит... девушка Элли... Можно так?
— ...Ага... ох. А кто сегодня...
— У-у-у... это страшная тайна...
Смех. Долгий шёпот.
Вздох.
Тишина.

Шорох. Тихое звяканье.

— Какой у тебя...

— Нравится? Я тебе такой сделаю... И всем бы надо сделать, хорошая вещь. Да ленива я, знать...

— Ты?!

— Ну... Видела водомерок у нас в ручье, в лесу? Висишь над прозрачной водой, разглядываешь камни на дне... время остановилось... медленно, медленно сносит течением к перекатам... вдруг рывок, жизнь, порыв, мгновение — и снова золотая лень, снова широкая вода, медленно проплывают камни... Вот это я и есть. А Катя — стрекоза.

— А...

— А ты... Дай подумаю...

— Нет, я про...

— ...Андрей... он просто мальчик. Гениальный счастливый мальчик... Он всегда мальчик и всегда растёт, и никто не знает, кем он станет... Меньше всего он сам. В каком-то смысле он наше будущее... общее, если мы не отстанем по дороге...

— ...Маша... А ты ведь... ты его любишь?

— ...Да, Элли. Я его люблю.

— А Катю? А... меня?

— Да, Элли. Я люблю Катю. Я люблю тебя. Ты поросёнок, вот ты кто.

Тихий долгий смех.

— ...Я... эльф...

— Дык. То же самое. Оба розовые и с ушками.

Смех.

Мяуканье.

— О, кто к нам, смотри-ка... Где тебя носило, разбойниче... Ну-ко шасть сюда, шасть...

Мягкий стук лап. Беззвучный прыжок.

Шорох.

Мурчание.

— Ух ты, ох ты... Угнездился... Что в лесу делал, признавайся? Хороводы с мышками водил?... Дня три ведь его не было, да?

Мурчание.

— А лес-то наш... такой маленький стал, жалкий, как листья сдуло...

— Ой, да... Я как... летний ребёнок. В смысле, будто родилась только вот... летом, это же моя первая осень... здесь...

— ...А воздух сегодня какой прозрачный — видела? Только осенью бывает... Дальний берег залива виден так страшно близко... будто придвинулся. Или будто мир наш сворачивают трубочкой... как сухой лист...

Мурчание.

Кашель.

— Маш, вот всё-таки... мне это важно. Ты можешь объяснить... Как это можно... любить всех?

— А как нельзя, если все хорошие? А как нельзя, если все плохие? Как нельзя, если все есть?

— Есть?...

— Вот да. Вы все у меня — есть. Вот я вас и люблю.

— Так просто... А вот как это — не сравнивать, не делить? То есть... я *вижу* как, но...

— «В этике работают только парадоксальные ответы» — помнишь? Это хороший пример тебе... Чтобы не делить — надо всегда отдавать. Чтоб не сравнивать — стать несравнимо разными...

— Ох... разными, да... Знаешь, мне же всё время страшно — потому что к одному... прилипнешь, и сразу: а как же остальные? Или: эй, ну-ка, а почему я с ним сейчас, это у меня... или просто чтоб равновесие поддержать? Я понимаю, смешно... но ведь это всё всерьёз! Страшно даже переключаться между... вами. Как в воду каждый раз. На одного-то нужно полжизни убить, пока понимать научишься, притрёшься... а тут...

— Значит, на нас — три полжизни? Полторы жизни, всего-то, ужмём легко...

Смех.

— Ничего, Эль. Не торопись. Тебе ещё покажется, что мы все тоскливо одинаковые... будет такой период, наверняка. Но и он пройдёт...

— ...Слушай, а может это быть самообман — одного только любишь, остальных... терпишь?

— Хо. Знаешь-ка, если б все семьи так друг друга терпели, как мы...

— Маш, я серьёзно. Вот откуда ты, например, решила, что...

— Элли, это называется юношеский максимализм... погоди обижаться. Это клише, но точное. Modulo gender, естественно... Все ведь рождаются чёрно-белыми, да-нет, в генетике ничего сложнее не умещается. Минимум выживабельный и всё. А потом всю жизнь мы эту детскую чёрно-белость размываем, перемешиваем. Расширяем спектр. И это значит — подожди, подожди — это значит и освобождение от слов, среди прочих освобождений. Мудрецы немногословны. Потому что слово не для того изобрели, чтоб неоднозначность мира выражать, понимаешь? Это мы уже понакрутили, а изначально-то речь — чтобы влиять, убеждать. Подчинять. Охмурять — вот точно. Так что не держись за слова. Охмурят в два счёта.

— Я не...

— Это я про любовь — про слово «любовь». Такое... авторитарное. Сказано любовь, изволь соответствовать. Сказано не любовь — всё, завяли помидоры. Да?

— А разве нет? Что вообще имеет хоть какой-то смысл, если...

— Элли, всё имеет тот смысл, который тебе хватает сил туда вложить. Я просто не хочу держаться за слова... Давай не говорить «люблю» вообще, давай просто мычать. Будет честнее.

— Как мычать?

— Да так. Вот с Андреем у меня... м-м-м, с Катей... м-м-м, а с тобой вообще: м-м-м! Видишь, какие все разные?

— ...Интересно, как это в записи будет...

— И бессмысленно спрашивать, где сильней. И где там любовь или что... А запись это не берёт, проверено. Будет м-м-м везде и всё.

— ...То есть... века словесных ухищрений... всё, будем теперь мычать?

Смех.

— Слово — это знак. Знаки изнашиваются... Вещи растут и меняются, старые знаки им тесны. Поэт — это кто умеет делать новые знаки. Потому что знак не обязан быть понятным и простым. Целое стихотворение может быть знак для какой-то вещи. Оно же и создаёт эту вещь — открывает, объясняет. Ну а когда стих не написан, цитировать нету... а сказать надо... то хоть бы и мычи...

— ...Знак — это же как имя?

— Конечно! Имя — знак в чистом виде. Слово всегда стремится стать именем. Слово — магия, имя — магия вдвойне... Такая сильная, что её даже страшно иногда, понимаешь, о чём я?

— Кажется... Когда как-то... трудно по имени звать, да?

— Да, да...

— ...Имя не прицепляется никак, кажется чужим, дурацким... человек — это же о-о-о, а имя — какая-то случайная ерунда, разве может быть связь? «Ты» — и всё, никаких не нужно имён... Как себя же по имени не станешь называть...

— Да, точно... И это ещё потому, что мы с тобой интроверты. У интровертов всегда с именами кранты. Кате это уже труднее понять, и Андрею...

— А вот опять про сравнивание — я заметила... Когда пишу что-нибудь про нас, его почему-то ни за что не могу полным именем, только... инициалы. А «Катя», «Маша» — легко... Вот что с этим делать? Получается, он для меня всё-таки...

— Ну Элли, он же у нас и вправду... особая статья. Не переживай. У тебя ещё всё впереди. Ты ещё... полюбишь его имя, и разлюбишь, и своё секретное придумаешь... И не одно. Имя же — это на жизнь, а жизней много, много... Магия имён... как магия бесстыдства...

Смех.

Медленный вздох.

— ...А вы никогда имена не путаете? У нас в семье папа всё время путал... И он не рассеянный, а просто... Всегда с нами играл, сказки сочинял... Но начнёт что-то объяснять, увлечётся, и — ой, извини, ты ж не Ната, ты другая дочка... Хохотали мы...

Слабый смех. Мурчание кота.

— А маму, я заметила, никогда по имени не звал, тоже вот... Только «ты» всегда, или вообще «э-э»... с балкона ей, помню... Любил её очень. Странно, да?

Вздох.

— Элли, Элли... А я твоё имя очень люблю. Оно на тебя очень похоже... Давай так потрёмся ушами...

— ...(глухо) Понимаешь... Я же не поэт. Может, в этом всё дело... Ты же не бросай меня, ладно?...

— Ну Эль, ну... Ты нужна нам, очень. Нам, и мне... Ты другая, мы другие... но ты всё-всё понимаешь. А сама на звёзды смотришь... Как настоящий, у-у, эльф-поросёнок... Хочешь, чихнём?

— ...Зачем?

— Прочищает. Нос, глаза, мозги... карму...

Слабый смех.

— Маш... А расскажи ещё... как понять, что любишь?

— ...Ещё?...

— Ну... ты тогда читала нам, помнишь...

— ...А, это...

Пауза.

— (читает) Посреди ночи, когда не спится, выйди голышом в осенний лес. Послушай, как шумят деревья, сощурься близоруко на звёзды, споткнись о корень. Вдохни: это твоё. Замёрзни, нырни обратно, прижмись к горячему сонному телу...

— (шёпот) «Не поймёшь, так хоть поебёшься»...

Фырк.

Смех, возня.

— А... ещё?

— М-м-м... Тёмный профиль на фоне светлого окна: протяни руку, обведи пальцем. Остановись на губах...

Вздох.

— А ещё... про платье было?...

— ...Надень длинное, длинное, тяжёлое красное платье со шлейфом и иди, через огромный зал, иди как сквозь воду, сквозь жизнь, бреди к берегу, и свались у ног, дойдя: обрушься, вспучь юбочную волну, выдохни, затихни в бархатных руинах...

— ...О-о... Маш, а у нас же есть такое?

— ...Платье-то?... Ну... найдём, только... тебе красное пойдёт ли, надо смотреть... и подшить придётся...

— Ой, Маш...

Шум вставания. Кошачий спрыг.

— Прям сейчас... да? Успеем до вечера?

Кошачьи шаги удаляются.

15 ВАЛЬС (МАША)

Плавится воск. Падают сны. Веки летят.
Веки ясны памятью звезд, губы не спят:
плечи, стихи, дальше везде. Страшно рукой.
Крепче, стыдней. Облако-мир. Вот ты какой.

Здравствуй, пойми, не оглянись, я прошепчу,
новая жизнь, первая мысль, страшно лучу
в мире лететь. Дерево-сон: ветви в пути.
Много ли в том? Это не смерть. Миру расти.

Мне принимать, плавиться, течь, стискивать, знать.
Господи, лечь. Не удержать. Не удержать.
Тело. Душа. Брызги стекла. Обморок свеч.
Души. Тела. Плакать, дыша. Плавиться. Течь.

Вот же зачем. Теперь это в нас. Теперь это мы —
мы навсегда, мы насовсем, мы не рабы,
мы полнота. Дай нагляжусь. Мы полнота.
Ясно ежу. Птице светло. Смерть, да не та.

Мысленный дом. Медленный свет. Тени чисты.
Прошлого нет. Падает сон. Я это ты.

16 И СМЕХ, И ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ

— А знаете, что самое-то нельзяшное? Я тут подумал. (Кать, не убегай?...) Слушайте: писать про нас нельзя. Слова это смерть! Да, да, мы все чего-то пишем, и про себя, о чём же нам петь ещё… это всё чудесно, и сколь угодно талантливо, и просто… отправление здорового организма… но! Это должно оставаться фрагментарным. Нельзя «всю историю». Нельзя «всю правду». Общий нарратив — табу. Нельзя делать роман…

— Да почему?...

— ...Максимум — газетный очерк… ну или уж монографию. А почему — да потому что мы тут, друзья мои, зажились. Слишком у нас хорошо для романа, понимаете? Скучно. Расслабились, раздобрели… если честно писать как есть, ну или как мы ощущаем… будет не текст, а мастурбация. И будет соблазн придумать развязку, трагедию… а это уж совсем нельзя, и не из суеверия, конечно. Просто туфта выйдет, да? Искусственность. Прогрессия Набокова получится — который уж на что умён был, в каждом отдельном тексте концы прятал идеально, но в метатексте за сорок лет всё равно нарисовалось, как на рентгене…

— Что за…

— Да нимфетки его. Которых уж так… хотелось всю жизнь. Но и понимал: нельзя дать себе волю и написать вот как хочется. Это будет провал, будет анти-литература. В литературе обязательна трагедия, облом. Моральный урок. «И понял вдруг, что я в аду»… И он раз за разом подступался к этой теме и писал — с обязательным адом. Но в чём штука-то: на продольном срезе всё равно видно, как всё сползает, как этот ад с каждым разом всё позднее у него… Смотрите: рассказ «Сказка», 20-е годы — герою всё можно, надо только выбрать, любая будет его; он выбирает нимфетку — и сразу облом, выбрал не так, даже разглядеть не успел. Потом в «Приглашении на казнь», 1935: уже горячée, уже разглядел, помечтал, даже обнялся невинно, но облом тем более. Повесть «Волшебник» — «черновик Лолиты», конец 30-х: ну почти, почти, уже лежит с ней рядом, спящей, уже готов и более чем готов — но она проснулась… облом и смерть. Дальше «Лолита», 50-е: тут уж совсем всё, добился, испытал. Счастлив ли

герой — вопрос, но «он с ней был». Ад и трагедия настигают, но уже в самом конце. Post-coitum... И, как финал, «Ада», 60-е: это уже практически порнография, именно что *ада* там нет вообще, максимум... затруднения — после бурной и теперь уже полностью взаимной любви с двенадцатилетней и потом пятнадцатилетней они просто на время расстаются. Из трагедий разве что изящное самоубийство Адиной сестры младшей... которая, вишь ты, тоже с героем хотела, да он её отверг. И потом счастливое воссоединение и хэппи-энд до глубокой старости. Поглядывая на постаревшую жену... опасливо так...

— Зато он «ебаться» не писал...

— ...Что?... Э-э-э... Да, Маш, ты... как всегда... слова *fuck* у Набокова нет, конечно. А кстати, проверю... М-да. Nor even *swive*, при всей его любви к словарям. Ну... простим угрюмца, был аристократ всё-таки... Я о другом, что... как видите, никакая гениальность не спасает от таких вот провалов, сползаний. Как в фэнтази — инфляция всемогущества...

— Так ведь он же выдумывал. Писал из головы... эти-то сюжеты? В реальности-то у него ничего ж такого не было? Ну и вот... без твёрдой опоры... сполз, в итоге.

— Ну да... но это неважно, в каком-то смысле мы все из головы пишем, откуда ещё... Здесь просто неизбежная логика творчества: нельзя повторяться, каждый раз надо идти дальше, где ещё не бывал... А в этой вот именно теме «идти дальше» — эквивалентно... простому соитию, которое идёт себе, неостановимо, к оргазму, и всё. И которое изобразить — будет мастурбация и ничего больше. Во всяком случае, не литература...

— А мастурбация не секс, что ли?

— Ну... секс, конечно, но я же говорю — не литература. Провал.

— Нет, погоди, это важно, мне кажется... То есть такой закон, да, что нельзя одно только счастье, надо обязательно облом? На каждого героя злодей?

— Ну... да, как бы... *Be a sadist* — Воннегут советовал...

— Не, Андрюш, это фигня, извини меня пожалуйста. У искусства никаких нету законов, кроме тех, что мы... нет, даже не так: кроме одного закона: торкать должно. Торкать, и всё! А как и чем, неважно. Как в биологии: выжить и оставить потомство, а уж тушкой или чучелом... Работает усложнение — будем усложняться, в других условиях лучше проще — отлично, деградируем докуда можно. И в писании: работает с моралью, торкает — будем сочинять с моралью...

— А сейчас что, мораль не работает уже?

— Да почему сразу... работает вполне себе, наша нынешняя-то. Людям же приходится по-прежнему... вопросы решать, даже и сложнее чем раньше... они хотят про это читать и писать, и смотреть. Торкает исправно. Но появляются вещи, которые по-новому торкают. Пусть через этику тоже, но по-другому совсем... не через допотопную трагедийность, понимаешь?... Вот ответь мне, почему для тебя мастурбация сейчас было ругательное?

— Да не ругательное! Просто одно дело литература, а...

— Нет, ты ругался всё-таки. Потому что — нет, я же понимаю прекрасно — представить, как Набоков этим занимается... да? А собственно, почему? Потому что он немолодой мужик? А когда, например... то совсем другие чувства, да?

— Кать, погоди, ну при чём тут чувства...

— Да как это при чём! Чувства ж это и есть торканье, будь то литература или что угодно. Просто нам неприятно, когда мы видим, что... кому-то хорошо. Смущение, неловкость... противно... Но стой, опять же не всегда, хм-м... а давай посмотрим когда...

— Вот именно. Когда не секс, а еда, например... брат Горанфло какой-нибудь, жирный боров — вполне себе симпатичный персонаж, обжорство его с удовольствием расписывается и с удовольствием читается. Почему?

— Я решу вам шутя этот жалкий пример! Да потому что племени надо держать секс в узде, надо прятать, чтоб не передрались все...

— Ну нет... Так можно объяснить только инстинкт прятаться, тем более уязвимость особая в этот момент... cover my ass... но не инстинкт стесняться смотреть, понимаешь? И главное: всё-таки мастурбация противнее, чем секс двоих, вот почему? Хотя с точки зрения «чтоб не передрались», как раз, от мастурбации опасности гораздо меньше, согласись...

— Эгоизм?

— А обжорство не эгоизм? Нет, здесь ещё что-то... Сейчас, дайте сообразить...

— ...А по-моему, просто фричество.

— В смысле?

— Ну если он сам с собой — значит, ему бабы не дают, значит он фрик ущербный, фу его. И всё объяснение. А обжора как раз — воплощённое здоровье и нормальность...

— Ну да! Да! Маш, ты гений! Действительно, просто всё. Всегда были омега-самцы в племени, без шансов на самок, и самоутешались как могли. В результате мастурбация закрепилась как маркер низкого статуса и ущербности. Секс приватен, но им всё равно хвастаются, намекают, подглядывают. Мастурбацией не хвастается никто и никогда. Вот тебе и...

— Отсюда же и гомофобия, отчасти, наверно...

— Ну! И вот так оно и до сих пор, представьте? Никакие сексуальные революции это не сдвинули. То есть, конечно, теперь все знают, что пароходики это не вредно, но никто не горит желанием... показывать и смотреть. При том что какая угодно жестокость и смерть — это полёт нормальный, никто и не думает стыдиться, или хотя бы не признаётся. Учимся не выдавать передёргивание, когда цитируем: «падали старушки»... «а я лишь пнул ногой»...

— И так мы возвращаемся к литературе...

— Да. Потому что автор всегда один, по определению. В отличие от кино, кстати — там ты глазами видишь людей, разных, и мозг переключается в режим подглядывания за жизнью. А текст — это всегда монолог, одинокий голос, иллюзию живых людей там гораздо труднее... И если в тексте удовольствие, радость, счастье — особенно счастливая любовь, но не только! — наша сигнализация, врождённая,

начинает верещать. Единственный способ её заткнуть — убить счастье обломом. В результате порнуха насилия, войны и всяких таких вещей — причём прямая порнуха, ну видно же, как автора прёт от этого, и без малейших тебе обломов в обратную сторону, то есть без просветов... такое у нас канает за литературу, даже и в первых рядах. «Юноша, любивший гибель»... А порнуха счастья — это нам сразу мастурбация, фи. Это нормально, вот скажи?

— Так ведь «порнуха счастья»... она вообще бывает? Пример?

— Именно! Именно! Её мало что нет, ты ж вот прям сейчас и запрещаешь нам её делать! «Ада» — провал, согласна, но не потому что трагедий мало, а просто... герой мерзкий тип, противно. И мир картонный, именно что мастурбация, натужное фантазирование, куда-то испарилась вся его наблюдательность. Притом же у Набокова полно мерзавцев было всегда, но тут он первый раз стал... не просто героем и повествователем, это тоже было, но и как бы главным содержанием всей книжки. Никакого контрапункта, все прочие персонажи — как порождения его же уродского воображения, тоже мерзости изводы, включая Аду. Беспросветно и тоскливо там всё, а вовсе не хэппи-энд...

— А раньше был контрапункт?

— Ну... Раньше вон даже «Подвиг» был — последняя вещь, наверно, в которой вообще ни одного мерзавца... тоже своего рода подвиг для него. Даже в «Даре» протагонист уже... попахивал...

— Что-о-о?!

— Да Маш, ну правда же... Самолюбование, поза, на Чернышевском зачем-то оттоптался, только потому что под руку ему... но не будем об этом, ладно, не сейчас! Я просто хочу сказать, что он вовсе не был монстром, прекрасно всё понимал. Жалостлив был вот... Но и умел бить на жалость. Знал как. Да и то, со временем — жалость всё карикатурнее, сделаннее... Сравни хоть Лужина и Пнина. Тоже прогрессия... Но и мерзавцев своих он — из той же головы вынимал. Вот совместимо у него оказалось, человек сложная штука, what else is new?

— ...Ну так вот ты и согласилась, кажется. Всё-таки облом, получается, нужен... нужна трагедия, Ван Вину по рогам надавать, так?

— Плохому да, надавать! Раз пишешь про мерзавца, изволь ему что-то противопоставить... или хотя бы открыть про него, объяснить. Я ж говорю, мораль никто не отменяет. Даже и наоборот, она победила, нам как бы всё понятно уже, известно откуда берётся это всё и как лечить, и потому всё скучнее про мерзавцев читать, и неприятно, и на автора такого уже косимся с подозрением. Что Набокова сильнее всего и бесило: он всё пытался поддерживать разделение, герои одно, а автора не тронь, про автора вам вообще знать не нужно. Понятно, но глупо... Так что вопрос-то главный вот именно такой: а *зачем* про мерзавца писать? Зачем он вообще нужен? Что в жизни есть — не оправдание, мало ли что в жизни есть. Толкину вот понятно почему Моргот был нужен: не просто чтоб сюжет двигать, главное — он действительно верил, что в мире есть разумное и абсолютно злое, отпавшее начало. На то он был католик. Но мы-то понимаем, кажется, немножко больше уже, да?

— Мы знаем зато, что есть хаос, лень, глупость... энтропия... да и насилие никуда не делось, почему нельзя об этом писать?

— Вот! Теперь ты правильно говоришь. Почему не писать: да, конечно, пиши, если пишется. Тем более если от твоих писаний насилия меньше станет... спасибо скажем. Только других заставлять не надо, ладно? Не надо возводить в закон. Мне вот, например, интереснее совсем другие вещи, которые меня торкают. И раз уж они нашлись, вставлять туда мерзавцев и несчастья, чтоб было по канону, я не собираюсь...

— Катя, подожди... Я тебя понимаю, вообще-то, но... торкает — это ведь по-другому называется катарсис... а может ли быть катарсис от сплошного удовольствия, когда ничего плохого нигде? Или только будет... ожирение?

— А катарсис — это по-другому называется оргазм!

Общий смех.

— Тихо, тихо! И тут уж от тебя зависит... знаешь же, что это такое. Можно — бац и дальше побежал, а можно...

— Но я же не о том... Не о силе. Подожди, давай разбираться... Важно же не сила, а качество, да? Насколько это тебя... меняет...

— И это ты говоришь? Я ж тоже не о силе! Посмотри вокруг... Посмотри на эти хитрые рожи! Включая свою. Есть тут хоть кто-то, кто... Да блин, нам ли не знать, у нас же всё на этом держится — и на тебе, здрасьте-приехали...

— На чём держится? На катарсисе?...

— Послушай... я серьёзно! Не уподобляйся... типа, что ты можешь знать о любви, тебя ещё жареный петух не клевал. А ответь-ка честно: как ты думаешь, знаем мы о ней что-нибудь всё-таки? Уже? И пожалуйста, можешь ставить «любовь» и «знаем» в сколько угодно кавычек. Я не претендую на платоновский идеал, мне такая вот как раз больше всего и нравится...

— Я прекрасно понимаю, что ты хочешь сказать. Да, у нас здесь эксперимент... незапланированный в каком-то смысле, но и достаточно далеко зашедший, и не совсем безрезультатный, скажем так. И да, главная тема его — счастье, и... оргазм, или как хочешь называй, не самый последний элемент. Может, даже и держится на нём, хотя... ладно, не о том речь. Так или иначе — важная человеческая тема, интересные результаты, более чем интересные, хм, инструменты... весь набор, казалось бы. Но это набор идеальный для статеек в специальные журналы, понимаешь? Ну для песен ещё, стихов, для фиков всевозможных — да, питательная среда. Но для настоящей литературы всего этого мало, мало! Не всякий даже философски осмысленный вопрос заслуживает, чтобы на него... тратить живых людей. То есть персонажей, пусть даже...

— И даже если они найдут нетривиальный ответ на этот вопрос?...

— Ну, положим, особой-то нетривиальности у нас... и вообще, романы не для ответов же пишутся... Вот! Ну точно — это ж и есть главный-то закон! Это я и пытался нащупать, забудьте, что я про трагедии плёл... Нельзя в литературе ответы давать, вот оно в чём дело. Просто нельзя. Это только в науке, искусство не может... оно должно всегда только спрашивать! И определение порнографии пожалуйста — это где не задают никаких вопросов. Поэтому же и про нас-то нельзя — вот: мы здесь слишком

уже уверены, что знаем ответ. Хотя до настоящих-то ответов, если честно, нам... если вообще они есть...

— ...А облом и смерть, получается, это просто частный случай? Такой типа универсальный вопрос, который можно на любой сюжет навесить...

— Точно. «За что-о-о?» — вечный вопрос к небесам...

— Мда. Слушай, ну не нечестно — они же сотой доли не знали, что мы знаем, и не слишком-то интересовались знать... но зато знали кончить всё смертью — всех уносят за кулисы, замок рушится, библиотека сгорает — и знали, что вот это и будет то что надо, автоматом... Ломать не строить! А если не хочешь никого убивать, тогда что? Поглупеть, забыть ответы?

— Ну... Вообще говоря, не такая плохая идея. Забыть что знал, заново переоткрыть... хотя обычно для этого детей рожают, а не сами...

— А ответов-то становится всё больше, правда? От них уже не спрячешься...

— Вот и ещё одна теория нынешнего упадка литературы. Рыли, рыли, не заметили как подрыли основание. «Вечные вопросы» вытащены из глубин, сушатся на берегу... Подходи, разглядывай... головой качай...

— Новых-то вопросов тоже ведь полно. Но как их задавать, если на старые отвечать — ты запрещаешь? Всё ведь связано...

— Да не надо отвечать. Зачем? Это ж литература, а не theorem proof. Просто подразумевай... раз там для тебя всё уже ясно. Сразу атакуй, что неизвестно. Кому надо поймёт...

Кашель.

— ...А мне кажется... вопросы — это тоже частный случай. Не обязательно должны быть вопросы...

— А что тогда?

— Ну... Я не знаю, как сказать... Должно быть... какая-то просто открытость, что ли... Незавершённость?...

— М-м-м... Ну да, в том смысле, что...

— То есть не надо вопросы даже формулировать как-то. Не надо задавать... Надо просто, чтобы текст был открыт...

— В будущее?

— Ну... хотя бы...

— А ведь да... Элли, ты права. Я тут опять пытаюсь, кажется... продавить своё. То есть вопросы, да, но у читателя, а не обязательно у автора. И такие, чтоб на них интересно было отвечать, или хотя бы пытаться. Автор пусть даже считает, что ему всё ясно, но если в тексте есть пустоты, есть незаконченности, странности... просто неумелости и глупости, и читатель их заполняет... как вода...

— Нет, не совсем... Это скорее детектив будет — где надо заполнить приготовленную пустоту. А нужен выход... наружу, в будущее, в неизвестное... куда-нибудь. Где ни автор, ни читатель ещё не бывали. Должно быть открытое окно...

— Да! Да, да... Окно! Девчонки, мы с вами не зря спорили, получается. Понятно, это не достаточное условие, достаточных вообще не бывает... но, сейчас вот верится,

необходимое. И вопросы, и трагедии — всё сюда, прямое следствие... всё ветер в окна. Конечно, потом куча контрпримеров вспомнится, как всегда, но вот сейчас...

— ...Даже в Аде той же... Вторая половина жизни там — бегло, размыто... Как пересвеченная фотография. Слепящий свет... Поэтому почти будущее, хотя формально прошлое. Почти открытое окно. Так что... не совсем уж безнадёжная книжка...

— ...А значит, можно и про нас!

— Ой. Напугала, Кать...

— У нас ли тут не слепящий!... Да, Элька?

Смех.

— ...Ну... да. Дерзайте, конечно... Будто так уж вам моё разрешение нужно... Можно, всё можно, только... трудно. Как и всё на свете. Старайтесь хотя бы не сюсюкать... впрочем, что я, вы всё это лучше меня... А за Аду-то свою, кстати, он расплатился, в каком-то смысле, знаете? Ну или она с ним... Французский переводчик — свалился, не выдержал, dépression nerveuse, пришлось Набокову самому перевод выправлять. И правил, и правил свой томище... это кстати о мастурбации. Думал закончить за два месяца, а сидел, старый, замученный бессонницей, больше трёх лет. Измотало, задушило, всё отменялось, всё не успевалось... Представляю, как он под конец этот выморочный роман ненавидел...

— Одурманены, да. Под наркозом лежим... «Футурологический конгресс». Только вот откуда следует, что это мы под наркозом, а не те, что с ангедонией... Нуля-то нет на этой шкале, если даже это шкала. Адекватность миру? А как измерить? Да и миры-то всё разнее, у каждого свой... Вообще это уже запрещённый приём, но не могу удержаться: а кому выгоднее? Социальный капитал — он чем быстрее прирастает? Сдаётся мне, вера в изначальную трагедийность, безвыходность, она очень в этом смысле... «Если бы знали, дети, вы»... Но мы-то с прочими верами отказались и от этой! Вот где главный-то облом. Лишиться ада, оказывается, в миллион раз обиднее, чем рая. В аду же всё так понятно, «наши люди» кругом... Бунтари, либертины — может, затем и расшатывали старое, чтобы поскорей до ада добраться. Настоящего, глубинного, *нечеловеческого.* А его и не оказалось нигде. Равнодушная пустота снизу, как и сверху... Кроме того, что ты сам делаешь — ничего. Ничего окончательного, ничего невозможного... ничего однозначного... И вот уже лет пятьсот последних — это мы так постепенно учимся обходиться без ада. Делаем свой собственный зато, вот уж поднаторели... И загнали себя в ловушку: теперь уже и поверить трудно, что это всё мы сами. И что можно как бы и перестать, да? Вот просто перестать и всё... Что ничего нигде, *кажется,* не обрушится от этого... Но чу, что там за скрип...

17 ИЗБРАННЫЕ (КАТЯ)

Фик, а лучше просто текст, для нас это вряд ли можно приспособить. (Хотя...) Мир счастливых людей/умов (leave that ambiguous: may be AIs). Живут насыщеннейшей творческой, любовной, социальной жизнью, невозмутимо уверенные, что всё честно, что их удачи и находки — всегда их собственные, неподстроенные. Что чудо, когда случается — находится идеальный спутник, друг, страна, дом, книга, песня, слово, — что это всё *само*, без никаких подсказок и подкладываний в постель. «Я знал что мне *нужно*, не могло же не найтись.» К тому же: бывают более удачные выборы и менее, распределение вполне себе power law, видно что никакого мухлежа. А на самом деле они все — результат отбора, всегда-скользящий оптимум, переходящий приз: каждый ежемоментно выбирается, по максимуму счастья, из множества *вариантов себя*, всё время спавнящихся и выбирающих разное, пробующих разное, забредающих в тупики и попадающих под всевозможные обвалы. Настоящий ты — это не «ты», а то, что прыгает по тонущим головам, чтоб держаться на плаву. Включая «твою».

Это постепенно выясняется, намёками, сначала гипотетически и невсерьёз, но чем дальше тем реальнее, страшнее. У каждого — тьма копий, клонов, реплик... которые проживают свои *поджизни*, копят понимания, что именно *тебе* нужно, в чём и с кем ты будешь осмысленнее всего счастлив. Понимания, само собой, достаются недёшево: почти все поджизни кончаются увязанием, затягиванием нераспутываемых узлов, мучительными тупиками — и такая поджизнь просто тихо выключается, гаснет, её герой «просыпается» и оказывается собой же, причём не помнит деталей сна, но помнит главное: вот сюда не соваться, вот это не пробовать, вот с этим/этой даже не начинать. Так, из копящегося опыта поджизней, кристаллизуется trunk life: с полки снимается *твоя* книга, пишется *твоё* вечное слово, в шумной толпе ты безошибочно подходишь к тому, кто тебе нужен и кому нужен ты. Все «само», да. Мы избранное, не подозревающее о черновиках. И power law в наличии, только вот сдвинуто всё очень в одну сторону — но все давно забыли, какой бывает нуль на этой шкале, так что принимают как должное.

Кроме, разумеется, некоего одного — явление героя: с детства у него смутные догадки, совпадения, глюки матрицы, потом, эврика, пишет текст (вот как я тут) и уже начинает всерьёз копать, сравнивать, расследовать. Сначала (ладно, пустим и это, ожидаемо же) conspiracy: мы марионетки, чей-то гигантский эксперимент, нас кто-то лепит методом тыка, и пребольного тыка. Скоро это отбрасывается: глупо, ничего не объясняющая god theory, если «они» могут *такое*, то уж наверно могли бы узнать что им надо и без всяких экспериментов. Всё проще и страшнее: мы *сами* порождаем свои поджизни, бессознательно, инстинктивно, плодим своих бесчисленных двойников, чтобы пройти по их костям. Наше счастье на крови, мы заметаем под ковёр наши пробные смерти, ужасы, тоску, а ведь они *ничуть не менее реальны,* чем стволовая жизнь. И он решает посвятить себя одной цели: crusade за честность, открыть всем глаза, заставить увидеть мир как он есть. Заставить втянуть свои щупальца, перестать во всё врастать бессознательно, как грибница. Мы должны наконец взять на себя *ответственность за всё*! Пусть станем все хором несчастны, пусть: *только тогда* мы и сможем строить настоящее трудное счастье, *сами*, по́том и кровью которые уже не забудутся, без бесплатных озарений неизвестно откуда.

Подтема: ясное дело, не все такие совестливые, народ из всех этих проповедей улавливает для себя главное: что отбор не по чему другому, а по счастливости. Так что ну-ка бегом, во все тяжкие, чтобы в этой гонке выиграть: всё прочее побоку, быстрое счастье (в меру понимания каждого) is the only thing that matters. Оргии и т.п., хотя это уже неинтересно. (И кстати же, тут получается насильственное обоснование этики *снаружи*, which is a big no-no, но это мы пока замнём.)

А герою, конечно, страшно. Он боится, что он и сам — поджизнь, просто один из множества опытов на тему «чего нельзя», что вот сейчас, *сейчас* ему конец, ещё минута и мир *беззвучно лопнет*... а «настоящий он» в этот момент вздрогнет слегка да и пойдёт себе дальше, чуть-чуть лучше защищённый от неприятных сомнений и уколов совести. Сюжетно можно на этом и закончить: да, так и погиб наш безвестный прозревший герой, выжать слезу на небольшой рассказец. Но интересней пойти глубже: вот он раскапывает прошлое, пробует понять, откуда же взялась эта наша мясорубка поджизней, как мы смогли её выстроить, даже толком не осознав? От кого этот подлый дар богов?

И выясняется, что это всего лишь натуральная мелкошаговая эволюция, начиная с простого думания, перебирания вариантов, совершенно естественного ментального моделирования окружающего мира и себя в нём. Моделирование большей частью подсознательное, вывод его всплывает как «интуиция», а сама модель и детали того что с ней было гибнут, так и неосознанные, а если осознаны — просто забываются. Но любое забывание — это уже маленькая смерть! «Совсем сознательно» не получится даже без всяких поджизней, потому что у нас вообще ничего не бывает совсем сознательно, это недостижимо, абстракция. И вот: мозг становится мощнее (отбор половой и просто, потом self-modification, amplification, uploading etc), модели соответственно детальнее, самостоятельнее, мир каждой *реальнее* (ambiguity again, to never clarify just how virtual all this is, это можно сделать интересно). Каждый разум окружается огромным, всё растущим облаком модельных миров, где идёт

нескончаемая борьба под ковром, жуткие тени во тьме, и только в центре дрожит огонёк «настоящего» сознания. Облака разумов начинают *перекрываться!* На всех уже просто не хватает места без наслоений — так вот откуда в этих моделях появляется принципиально новое знание! No longer daydreams: это ты так общаешься с другими разумами, трёшься о них нечувствительно своими внешними оболочками, и подслушанное у них постепенно просачивается в ядро. Теперь ты уже *знаешь* их, тех что живёт рядом, даже не сказав с ними ни слова, и знаешь лучше, глубже, *провереннее*, чем через слова.

Ух. Наше будущее, а что. И вирусы, конечно же, паразиты всякие, новые формы жизни заводятся в этих облаках, для пущего облома.

А если без фантастики: *ведь это мы!* У нас уже всё так и есть, только наши пробные поджизни — это все наши предки, миллионы мучеников отбора, кто как не они всё для нас перепробовали и завещали нам свой геном хоть-чего-то-понимания. Когда я выбираю — это всегда в огромной степени они, мои относительно удачливые прямые предки и несчастные боковые, сгинувшие и следов не оставившие, кроме (бесплатной для меня!) интуиции куда лучше не соваться. И красивы мы не задаром и не случайно, а слезами и муками миллионов бездетных уродцев и дурнушек, никем не выбранных, не полюбленных. То же про «умны», «удачливы», «добры» — всё, *всё* на крови и страдании. И что теперь? Отказаться от даром доставшегося, начать с нуля, пройти лично заново весь путь — с обезьяны? с амёбы? с большого взрыва? Или построить алтарь предкам на холме — ежедневные всесожжения, головы пеплом посыпать? Выбить на камне хотя бы имена, сколько знаешь? А в пределе воскресить их всех, как Фёдоров мечтал... но ведь даже у Фёдорова «сын воскрешает отца», то есть беспотомковые тупиковые ветви в пролёте. (Ох, ну так я и знала, свелось всё к тривиальностям, «теодицея эволюции». Но пусть уж.)

И если додумывать до конца: ведь у каждого двойника бывают *не только* несчастья, в самой же пропащей жизни есть крупицы золотой пыли, которые идут на дно вместе с отжившим своё солипсистом. Но откуда жизням быть совсем-то пропащими — так или иначе ты стартуешь с той точки, где ты сейчас, а по условиям задачи наши усилия всё-таки не зря, минимум счастья мы уже наскребли себе. И все эти разветвления счастья — туда же, во тьму безвозврата? Или что-то остаётся? Если копится понимание от неудач, почему не от удач тоже? Эхо хороших минут? И даже важнее это эхо, глубже след, наверно, чем от предостерегающих ожогов и ран. *Ну конечно!* Ты плодишь своих клонов (и они друг друга, всё ветвится), но не случайно же, не в случайные миры, ты пробуешь именно что чувствуешь самым важным *сейчас*, ищешь что тебе *нужно*. Твоё облако вариантов — это твой мир, это ты и есть. Самое-самое в любви — это же узнавание, вспоминание, великое «ну конечно», как будто я была с ним/с ней *всегда*, это родное моё, до косточки знаемое, миллионы раз мы так лежали обнявшись! Миллионами тел своих и душ. Какая-то уже психотерапия получается, натаскивание на positive thinking (и метаотбор, уже между облаками-умами, на *способность* к счастью, на умение раздувать костёр, а не гасить страхами) — но это же и *работает*... и мы-то, мы разве не?

18 ГЛУБОКОЕ БУДУЩЕЕ (ЭЛЛИ)

…А. с Машей рядом качались, сцепленные, жаркие, навсегда вместе, навсегда одно, двигались молча, долго, только вздыхали и стонали тихонько, как пели, и меня укачало. Я заснула.

…Были мы, но как будто нас много, не четверо, а человек минимум двадцать — но всё равно это *мы* и никто кроме. Притом без всяких раздвоений или копий. И, конечно, нелогичности никакой — во сне: ну двадцать и двадцать, а что.

И тусуемся мы все вроде бы у реки, то ли пляж, то ли травянистая излучина. Кто-то ходит, кто-то лежит, кто-то обнимается. Разговоры, музыка, Катька на ком-то прыгает… Кто-то плачет, кто-то его успокаивает — и вот от этого почему-то так светло, так пронзительно, самой хочется плакать от счастья.

«Нам пора ехать, ты готова?» — весело говорит А. где-то сбоку, я оборачиваюсь и кричу «Куда?». И тут оказывается, что это в записи, что этот диалог уже был, я его правлю вот прямо сейчас, и меняю «зачем?» на «куда?», потому что «зачем» — якобы слишком понятно, чтобы спрашивать, хотя мне всё равно ничего не понятно, и уже не будет. Зато я понимаю, что это же я сама там плачу, и это меня успокаивают, Андрей прижимает, целует в ухо, а Маша обнимает коленки, смотрит снизу вверх своими жалостливо-насмешливыми глазищами.

А Катя — вижу я — выбегает в каком-то напряжённом танце, не обращая на нас внимания, лицо к солнцу, глаза зажмурены, что-то вроде лезгинки, но невероятно быстро, кажется, вот сейчас улетит. «Она тебя любит», шепчет А. «Беги… к ней. Пожалуйста?» И я вскакиваю, и понимаю: да, да, это нужно, очень важно, и бегу — за ней, но её уже нет, надо догнать… вбегаю на какую-то лесную дорогу с высоченными деревьями, шумит ветер, всё темнее, и вдруг уже плыву — в маленькой лодке, по узкой тихой речке, не шире двуспальной кровати (думаю я), ветки свешиваются над водой, а у меня нет весла, надо быстрее, но приходится плыть по течению, медленному, мучительно медленному, но сладко мучительно. И вдруг река расширяется, ударяет солнце, и я вижу — тот же берег, пляж, что и в начале, и там все мы, и может быть даже я. И я выхожу на этот берег, успевая удивиться: разве бывают

закольцованные сны, это же такое головное, придуманный постмодернистский приём… думаю я, уже наполовину проснувшись. Но нет, это не возврат в начало, наоборот, это наше глубокое будущее, прошло неизвестно сколько лет или даже поколений, «это вечные мы», ещё понимаю я. (Как много умещается в последнюю секунду сна!) И последнее, что вижу: Катя, у самой воды, сидит скрючившись, быстро пишет, хмурится, но вот поднимает голову… улыбается мне, виновато, но так, что у меня что-то лопается в груди от любви… и я открываю глаза, толчком. Со слезами, тяжело дыша, с колотящимся сердцем. Уже светло. Первый снег. Записать, пока они спят.

...И вроде бы ничего особенного у них не происходит —
только споры о Набокове и эволюции,
только костюмированные эротические игры,
только стихи, только сны, только любовь.
Так бывает?

Что это — русский извод секс-позитивного феминизма
или «фантазия гарема»? Домашнее порно —
с претензией на литературоцентричность —
или архив странной, но абсолютно настоящей семьи,
сознательно замкнувшейся в своем заколдованном
королевстве у леса и моря?

Для чего они сочиняют эти безумные стыдные тексты,
зачем записывают даже разговоры, смех, стоны —
и бесконечно правят, тасуют, перечитывают?

Нашли ли они секрет счастья?

Видят ли они будущее, о котором столько говорят...
или они и есть будущее?

kirikrueker@gmail.com

https://archive.org/details/UsEternalInRussian